
ЛЮДМИЛА РЕЧИНА
СТОЛ ДЛЯ ТРОИХ

Людмила Речина

Стол для троих

«Автор»
2026

Речина Л.

Стол для троих / Л. Речина — «Автор», 2026

Столяр Антон Речкин берётся закончить дубовый стол, который его умерший отец обещал трём семьям на общем дачном участке. Но старый заказ возвращает не только память. Оказывается, удобный въезд к мастерской появился за счёт соседского прохода, а подпись отца закрепила несправедливую границу.Чтобы исполнить обещание по-настоящему, Антону придётся пожертвовать привычным укладом, разобрать часть собственной пристройки и перестать решать за окружающих. Самое трудное — признать право взрослой дочери Лизы не наследовать мастерскую и не оправдывать поступки семьи.«Стол для троих» — роман о цене позднего исправления, семейной памяти без прикрас и близости, в которой другому оставляют свободное место.

© Речина Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Отцовская столешница 6
Глава 2. Три ключа 12
Глава 3. Лиза не остаётся 19
Глава 4. Край доски 27
Глава 5. Проход по памяти 33
Глава 6. По документам 43
Глава 7. Общий колодец 50
Глава 8. Чужая петля 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Людмила Речина
Стол для троих

От автора

Старые семейные обещания редко лежат в аккуратной коробке. Чаще они прячутся в привычном проходе, чужом ключе, заборе, который все давно перестали замечать, и работе, которую один человек считает подарком, а другой — долгом.

Эта история — о мастере, умеющем исправить трещину в дереве, но не сразу понимающем, что человеческую несправедливость нельзя зашлифовать до красивого вида. Чтобы исполнить обещание умершего отца, ему придётся выяснить, кому оно помогало, кому мешало и имеет ли сын право продолжать его прежней ценой.

Здесь нет простой границы между хорошими родственниками и плохими соседями. Есть три семьи, один участок и взрослые люди, которым придётся назвать свою выгоду прежде, чем сесть за общий стол.

Глава 1. Отцовская столешница

В мастерской после отца осталось слишком много карандашей.

Антон находил их везде: на полке с банками морилки, за ухом старого рубанка, в кармане синего халата, который всё ещё висел возле двери. Короткие, обструганные ножом, с плоскими боками, чтобы не укатывались с верстака. Виктор Речкин никогда не покупал коробку целиком. Брал по два в хозяйственном, один сразу точил, другой оставлял про запас, а потом забывал, куда положил запасной.

За три недели после похорон Антон собрал девятнадцать штук. Складывал в жестяную кружку с отколотой эмалью и каждый раз злился, словно отец нарочно продолжал занимать место.

В понедельник утром в кружку упал двадцатый карандаш. Антон нашёл его под листом фанеры, которым был накрыт дальний верстак. Фанера лежала неровно, одним углом упиралась в стену. Он потянул её на себя, приготовившись увидеть обрезки, но под ней оказалась столешница.

Она занимала почти весь верстак. Дубовые доски, склеенные в широкий щит, были стянуты четырьмя поперечными рейками. Один край отец уже обвёл плавной линией, другой оставил прямым, с засохшими каплями клея. По поверхности шли мелкие следы рейсмуса, а ближе к середине темнел сучок размером с пятирублёвую монету. Работа была не брошена — остановлена. Это различие Антон видел сразу. Брошенное мастер убирает с рабочего места или валит в угол. Остановленное оставляет так, чтобы вернуться после обеда.

Антон положил ладонь на дуб. Дерево было холодным. В мастерской пахло пылью, железом и сырой травой из открытой форточки. Раньше к этим запахам примешивался табак: отец не курил внутри, но приносил дым на одежде. Теперь табака почти не осталось, только халат возле двери ещё хранил слабый, горький дух.

— Ну и что это у нас? — спросил Антон.

Он говорил вслух не от одиночества. Так было проще отделить вещь от человека. Пока столешница оставалась отцовской, к ней нельзя было прикасаться без разрешения. Стоило назвать размеры, породу дерева, степень готовности — и она становилась обычным заказом.

Длина — два метра сорок два сантиметра. Ширина — метр без трёх миллиметров. Толщина — сорок два. Для дома слишком большая, для мастерской неудобная. Под такой стол нужно просторное помещение или навес. Антон достал рулетку ещё раз, будто цифры могли измениться, потом заметил на торце три короткие риски. Отец отмечал так детали, которые должны были сойтись в одном изделии: одна риска на первой, две на второй, три на третьей. Но здесь все три стояли рядом.

Он вспомнил летнюю кухню на даче.

Кухня была сложена из старого кирпича ещё до его рождения. Три семьи пользовались ею так давно, что никто не мог толком объяснить, кому принадлежит постройка. У Речкиных хранилась связка ключей, у Сафроновых — посуда и газовая плитка, у Лапиных — занавески, скатерти и привычка устраивать там августовские обеды. Когда Антон был мальчишкой, взрослые садились за два составленных стола. Между ними всегда оставалась щель. Стакан, поставленный неудачно, заваливался набок, крошки падали на пол, а дети пинали друг друга под столом, пользуясь прикрытием досок.

Виктор много раз обещал сделать один большой стол. Обещание было из тех, которые произносят без срока: после сезона, зимой, когда разгребу заказы, как достану сухой дуб. За годы оно стало семейной шуткой. Потом семьи начали приезжать реже, дети выросли, старики умерли, а кухня запиралась на всё более ржавый замок. Антон решил, что стол так и остался одной из отцовских фраз.

Оказалось, нет.

Под столешницей он нашёл пакет с чертежами. На плотной обёрточной бумаге отец нарисовал основание: две широкие опоры, соединённые продольной царгой, и раскосы, чтобы стол не шатался на кирпичном полу. Размеры были проставлены аккуратно. Возле каждой цифры стояла галочка. В углу — буквы «Л. С. Р.» и дата: шестое мая.

Шестого мая отец ещё ездил в мастерскую один. Антон ругал его за это по телефону, потому что после больницы Виктору велели не поднимать тяжёлое. Отец отвечал, что только проверит сушилку, и неизменно добавлял: «Я же не дурак». Через девять дней его увезли снова. Вернуться он уже не успел.

Антон сел на табурет. Ноги табурета были разной длины, и тот качнулся. Отец собирался починить его лет пятнадцать.

На чертеже имелся список деталей. Заготовки для ножек, судя по отметкам, лежали на верхнем стеллаже. Антон посмотрел туда и увидел четыре тёмных бруса. Значит, материал был весь. Работы — недели на две, если заниматься вечерами. Можно было закончить быстрее, но спешить с дубом после долгого хранения не стоило. Он менял влажность медленно и за чужую торопливость мстил трещинами.

Антон развернул последний лист. Это оказался не чертёж, а смета, сложенная вчетверо. На лицевой стороне отец записал стоимость крепежа, масла и доставки. Цену дуба перечеркнул: материал, видимо, был его. На обороте синим карандашом стояло:

«Трём семьям. Поставить в кухню до осени. Деньги не брать. Обещал».

Ни подписи, ни объяснения.

Антон перечитал записку и провёл большим пальцем по слову «обещал». Синий грифель немного размазался. Отец сильно нажимал на карандаш, поэтому буквы продавили бумагу. Даже если стереть запись, след остался бы.

Телефон зазвонил на подоконнике. Антон не взял сразу. Звонила Лиза, и это было непривычно: дочь предпочитала писать сообщения, короткие и точные, словно за каждый лишний вопрос с неё брали деньги.

— Пап, ты в мастерской?

— А где мне ещё быть?

— Дома. Есть. Спать. Иногда люди так делают.

— Я утром приехал.

Он посмотрел на часы и увидел половину второго. Утро прошло незаметно.

— Бабушка спрашивает, когда мы разберём дедовы вещи, — сказала Лиза. — Я могу приехать в субботу. Если тебе нормально.

После похорон мать Антона уехала к сестре в город и отказывалась возвращаться в дачный дом. Вещи Виктора оставались в шкафах, в мастерской и в старой «Ниве», припаркованной под навесом. Антон каждый день переносил что-нибудь с места на место, но ничего не выбрасывал. Даже пустую пачку таблеток нашёл в ящике и положил обратно.

— В субботу нормально.

— Правда нормально или ты говоришь «нормально», чтобы потом ходить с лицом мученика?

— Лиз.

— Всё, поняла. Не начинаю.

Антон снова посмотрел на записку. Ему захотелось сразу рассказать о столе, потому что Лиза любила дедовы вещи, если от неё не требовали восхищаться ими. В детстве она делала уроки в мастерской, сидя на мешке со стружкой. В шестнадцать сама собрала книжную полку. Виктор потом всем говорил, что внучка пойдёт по его рукам. Лиза поступила на архитектурный, а дед счёл это просто длинной дорогой обратно к столярному делу.

— Нашёл кое-что, — сказал Антон.

— Документы?

— Столешницу. Отец делал большой стол для кухни на участке. Для всех трёх семей.

В трубке стало тихо. За окном проехала машина, шины зашуршали по гравию.

— И что ты будешь с ней делать?

Вопрос показался неправильным. Слишком простым.

— Закончу, конечно.

— А семьи просили?

— Тут записка. Он обещал поставить до осени.

— Он обещал, — повторила Лиза.

Антон поднялся с табурета.

— Что значит этот тон?

— Ничего. Я спрашиваю: ты им позвонишь сначала?

— Позвоню.

— Хорошо. В субботу приеду к десяти. И, пап, не поднимай столешницу один.

— Она на верстаке.

— Это не ответ.

— Не буду.

Он завершил разговор и несколько секунд держал телефон в руке. Лиза умела одним вопросом превратить понятное дело в сомнительное. Конечно, стол следовало закончить. Незавершённая работа была хуже долга: долг можно вернуть деньгами, а незавершённое изделие молча показывало, где именно у человека кончилось время.

И всё же дочь была права насчёт звонка.

Антон начал с Сафроновых. Номер Олега он не нашёл и позвонил Галине. Она ответила после третьего гудка, шумно, будто бежала к телефону из другого конца дома.

— Антон? Что случилось?

— Ничего не случилось. Я про дачу.

— С мамой всё хорошо?

— Хорошо. Галя, отец делал стол для общей кухни. Большой дубовый. Я сегодня нашёл заготовку и записку.

Она не переспросила, какой стол. Сразу выдохнула:

— Всё-таки начал.

— Ты знала?

— Знала, что собирался. Мы ещё весной разговаривали. Он размеры приезжал снимать. Я думала, потом не успел.

— Не успел. Но почти всю столешницу склеил.

— Вот ведь Виктор Петрович.

Она произнесла имя мягко, и Антон почувствовал благодарность, будто Галина похвалила не отца, а его самого.

— Я закончу, — сказал он. — Поставлю до осени, как записано.

— Подожди. Ты сначала приезжай. Там теперь не так просто.

— Что не просто?

— Нина опять с проходом. И колышки какие-то появились. Олег говорит, геодезисты ходили. Я не хочу по телефону, мы всё равно в субботу будем.

— Какие колышки?

— Красные, с ленточками. Один прямо возле сирени. Ты приедешь — увидишь. Кухню надо открыть, там после дождей, наверное, сырость. Только ключ у тебя?

Ключ висел в мастерской на щите с инструментами. Длинный, чёрный, с овальной головкой. Отец подписал бирку печатными буквами: «КУХНЯ». Антон видел его каждое утро и ни разу не задумывался, почему общий ключ хранится у Речкиных.

— У меня. В субботу привезу.

— Нине сам позвонишь?

— Позвоню.

Галина помолчала.

— Она на Виктора Петровича сердилась. Ты не принимай сразу на свой счёт.

— За что?

— Пусть сама скажет. Я не хочу между вами бегать.

После разговора Антон снял ключ со щита и положил рядом с запиской. Потом нашёл в телефоне Нину Лапину. В последний раз они говорили два года назад, когда у Лапиных сорвало ветку яблони на крышу кухни. Нина попросила лестницу, Антон привёз, а отец потом неделю ворчал, что лестницу вернули в глине.

Нина ответила сухо:

— Слушаю.

— Это Антон Речкин.

— Я вижу.

— Я нашёл в мастерской стол. Отец делал для общей кухни. Хотел уточнить, нужен ли он вам по-прежнему.

Он повторил Лизин вопрос почти дословно и сам это заметил.

— Стол?

— Дубовый. На три семьи. Есть записка, что обещал поставить до осени.

Нина коротко усмехнулась, но веселья в этом звуке не было.

— До какой осени?

— Думаю, до этой.

— А остальное он не записал?

— Какое остальное?

— Значит, не записал.

Антон сжал край верстака.

— Нина, если у вас претензии к отцу, скажите прямо. Его нет, но работу я могу закончить.

— Вот именно, Антон. Работу. Вы всё считаете работой: доску подогнать, петлю переставить, забор на полметра сдвинуть. Потом выходит гладко, крепко, и как будто никто никому ничего не должен.

— Я не понимаю, о чём речь.

— В субботу приезжайте с ключом. Вера тоже будет. Посмотрите на новый кол.

— Галина сказала про какие-то колышки. Кто их поставил?

— Люди, которые верят бумаге больше, чем памяти. Вам это должно понравиться.

Она отключилась.

Антон поднёс телефон к глазам, словно хотел убедиться, что разговор действительно закончился. Потом положил его экраном вниз. В мастерской снова стало слышно, как на крыше воркуют голуби.

Он терпеть не мог фразы с намёком. Отец тоже говорил так, когда не хотел объяснять: «Сам увидишь», «Не всё тебе знать», «Разберёмся по-соседски». Антон считал, что отличается от него именно ясностью. Если доска кривая — он называл её кривой. Если заказчик хотел невозможного — объяснял почему. Но сейчас у него были столешница, ключ и две женщины, каждая из которых знала часть разговора, начатого без него.

Антон решил пока не трогать дуб. Вместо этого поднялся на стремянку и снял со стеллажа брусья для ножек. Каждый оказался подписан. На одном стояло «Л», на втором «С», на третьем «Р», на четвёртом — снова три буквы вместе. Отец придумал что-то символическое, от чего Антону стало неловко. Мебель не обязана изображать человеческие отношения. Её дело — выдерживать вес и не качаться.

Он осмотрел торцы. Дуб был сухим, без синевы. На брусе с буквой «Л» виднелась тонкая трещина, пока поверхностная. Антон провёл по ней ногтем и пометил карандашом границу. Если трещина не уйдёт глубже, заготовку можно сохранить. Если уйдёт — придётся менять брус.

Работа вернула ему ровное дыхание. Он расчистил верстак, собрал стружку промышленным пылесосом, убрал фанеру к стене. Затем поставил рядом козлы и накрыл их старым одеялом. Столешницу следовало перевернуть, чтобы осмотреть низ. Одному это делать было нельзя. Она весила не меньше семидесяти килограммов, широкая, неудобная для хвата. Антон уже просунул пальцы под край, когда вспомнил обещание Лизе.

Не поднимать одному.

Он выпрямился и рассердился — сначала на дочь, потом на себя за то, что послушался. Взял телефон, позвонил соседу по мастерским, Игорю, и попросил зайти на пять минут.

Игорь пришёл через полчаса в шортах и сварочной куртке, застёгнутой на одну кнопку. Увидев столешницу, присвистнул.

— Виктор Петрович клеил?

— Он.

— Хороший щит. Тяжёлый, зараза. Куда?

Вдвоём они подняли дуб, повернули и осторожно опустили на козлы. Игорь придержал край, пока Антон поправлял одеяло.

Снизу обнаружились два поперечных паза и надпись мелом: «НЕ РЕЗАТЬ ДО РАЗГОВОРА».

— С кем разговора? — спросил Игорь.

— Если бы написал, я бы знал.

— Может, с тобой.

— Тогда бы позвонил.

Игорь пожал плечами.

— Старики думают, что ещё успеют. Мой тоже три года собирался сказать, где документы на гараж. Нашли в банке из-под кофе.

Антон не ответил. Надпись была сделана белым мелом крупно, не отцовским обычным почерком. Виктор писал для себя мелко и скупо. Здесь же будто предупреждал другого мастера.

Они осмотрели низ. В одном месте клей вышел из шва широкой полосой. В другом между досками оставалась едва заметная щель. Не опасная, но требующая внимания. Игорь постучал костяшками по поверхности и сказал:

— Звенит нормально. Доделаешь?

— Доделаю.

— Тогда не режь до разговора.

— Спасибо за совет.

— Обращайся.

У двери Игорь остановился возле синего халата, снял с рукава нитку и аккуратно бросил в урну. Антон заметил этот жест и почему-то захотел убрать халат со стены. Не смог. После ухода соседа он приколол отцовскую записку к пробковой доске, где висели заказы. Ниже лежали карточки: кухонные фасады для семьи из города, две двери для школы, ремонт комода. На каждой имелись телефон, срок и сумма аванса. У стола не было заказчика, цены и точного адреса. Только три буквы и обещание.

Антон взял чистую карточку и написал:

«Общий стол. Лапины, Сафроновы, Речкины. Срок — до осени».

В строке «стоимость» поставил прочерк.

Потом добавил: «Суббота. Открыть кухню. Посмотреть кол».

До конца рабочего дня он занимался школьными дверями. Выбирал пазы под замки, примерял петли, дважды проверял сторону открывания. Но стоило выключить фрезер, как взгляд возвращался к перевёрнутой столешнице. Снизу белели слова отца. Не резать до разговора.

В шесть Антон запер мастерскую. Ключ от кухни положил не на щит, а в карман куртки. На улице прошёл короткий дождь, асфальт потемнел, в лужах плавала жёлтая древесная пыль. Он сел в фургон, но не завёл двигатель. Достал телефон и открыл переписку с Лизой.

«Позвонил всем. В субботу едем на участок», — написал он.

Ответ пришёл сразу:

«Хорошо. Я тоже поеду».

Антон набрал: «Не обязательно», — посмотрел на слова и стёр. Вместо этого спросил:

«Зачем?»

Лиза долго печатала. Три точки появлялись и исчезали.

«Дед делал стол для трёх семей. А сейчас все почему-то говорят про границу. Хочу понять, что именно ты заканчиваешь».

Антон перечитал сообщение дважды. Ему не понравилось «ты заканчиваешь». Будто речь шла не о столе, а о чём-то большем, чего он ещё не видел. Он убрал телефон, завёл фургон и выехал со двора.

На первом перекрёстке ему пришлось остановиться: ключ от общей кухни давил сквозь карман в бедро. Антон вынул его и положил в подстаканник. Чёрный металл был стёрт у бородки от многолетнего пользования. Один ключ на три семьи, всё это время — у его отца, а теперь у него.

До субботы оставалось пять дней.

Глава 2. Три ключа

В субботу Антон приехал на участок первым, хотя Лиза всю дорогу просила не гнать.

Он не гнал. Старый фургон дрожал уже на семидесяти, и казалось, будто скорость выше, чем на самом деле. Лиза сидела рядом, придерживая на коленях картонный лоток с четырьмя стаканами кофе. Пятый они не взяли: Антон сказал, что Нина Лапина наверняка приедет с Верой, потом вспомнил про Сафроновых, пересчитал людей и махнул рукой. В таких компаниях всё равно обязательно находился тот, кому кофе нельзя, не хочется или недостаточно горячий.

У ворот товарищества висела новая вывеска «Берёзовый склон». Прежнюю, деревянную, сняли. Антон помнил, как отец вырезал на ней буквы и красил их зелёным. Новая была из белого пластика, с номером телефона председателя и предупреждением о видеонаблюдении.

— Дед бы возмутился, — сказала Лиза.

— Почему?

— Шрифт кривой.

Антон посмотрел на неё и понял, что она шутит. За последние недели он разучился сразу узнавать шутки.

Дорога между участками сузилась из-за разросшейся сирени. Ветки скребли борт фургона. Антон проехал до конца и остановился возле дома Речкиных — небольшого, серого, с закрытыми ставнями. Под навесом стояла отцовская «Нива». На крыше лежали прошлогодние берёзовые серёжки, хотя Антон мыл машину перед похоронами.

Лиза вышла, поставила кофе на капот и долго смотрела на дом.

— Бабушка точно не приедет?

— Сказала, пока не сможет.

— Ты её не уговаривал?

— А надо было?

— Нет. Я просто спросила.

Антон достал из подстаканника чёрный ключ. За пять дней он успел привыкнуть к его весу. Ключ лежал то в машине, то в кармане, то на кухонном столе в городской квартире. Вернуть его на щит в мастерской Антон не решился, словно тогда общая кухня снова стала бы отцовским делом.

От дома Речкиных к ней вела дорожка из бетонных плит. Слева тянулся невысокий сетчатый забор Сафроновых, справа росла живая изгородь, за которой начинался сад Лапиных. Раньше в изгороди имелся проход: две покосившиеся стойки и калитка, обитая зелёной сеткой. Через неё Лапины ходили к кухне и дальше, к дороге. Теперь калитка была заперта толстой проволокой, а перед ней стоял свежий деревянный кол с красной лентой.

Антон увидел его ещё издали.

Кол вбили прямо в край дорожки. На верхушке чёрным маркером стоял номер. От него по земле тянулся тонкий след — примятая трава и несколько пятен оранжевой краски. Линия пересекала старый проход, отрезала угол возле кухни и уходила к навесу Речкиных.

— Это граница? — спросила Лиза.

— Похоже на вынос точек.

— То есть?

— Геодезист по координатам показывает, где в бумагах проходит граница.

— Я знаю, что такое вынос точек. Я спрашиваю, почему граница идёт здесь.

Антон присел возле кола, не отвечая. Земля вокруг была рыхлой. Кол поставили недавно, после последнего дождя. Он посмотрел вдоль примятой линии. Если считать её границей Реч-

киных, то калитка Лапиных открывалась на их землю. Проход, которым пользовались десятилетиями, юридически мог не принадлежать Лапиным.

— Не трогайте, — сказала за спиной Нина.

Антон выпрямился.

Сёстры пришли из своего сада. Нина шла первой, в светлой ветровке и резиновых сапогах, хотя день был сухой. Вера держалась на полшага сзади, несла матерчатую сумку. Они были похожи, но рядом это сходство исчезало: Нина двигалась резко, с поднятым подбородком, Вера словно заранее уступала дорогу.

— Я не трогаю, — сказал Антон.

— Все сначала не трогают. Потом кол мешает машине, детям, газонокосилке. А через неделю его нет.

— Мне он тоже мешает.

— Вам он показывает, сколько у вас земли.

Лиза поздоровалась с сёстрами. Вера обняла её, неловко, одной рукой, и сказала, что не видела с самого выпускного. Нина только кивнула.

— Отец знал про эти точки? — спросил Антон.

— Ваш отец присутствовал при старом согласовании.

— При каком старом?

— Откройте кухню. Когда все соберутся, поговорим.

— Мы уже все почти здесь, — донёсся голос Олега Сафронова.

Он вышел из-за сетчатого забора с табуретом в одной руке и термосом в другой. За ним шла Галина, прижимая к груди папку с прозрачными файлами. Олег заметно прихрамывал и потому никогда не носил две вещи одинакового веса: говорил, что так удобнее держать равновесие.

— Антоша, соболезную ещё раз, — сказала Галина и обняла Антона прежде, чем он успел отступить. — Всё хотела позвонить твоей маме, да не знаю, что говорить.

— Просто позвони, — ответила Лиза.

Галина погладила её по плечу.

— Ты какая стала. Совсем городская.

Лиза улыбнулась той улыбкой, которую Антон знал с её подростковых лет: вежливой, без согласия.

Олег поставил табурет возле кухни и протянул Антону ладонь.

— Показывай ключ. А то Галя уверяет, будто Виктор Петрович сделал три экземпляра.

— У нас был свой, — сказала Нина.

— И у нас, — отозвалась Галина.

Антон достал чёрный ключ.

— Тогда зачем вы спрашивали, у кого ключ?

— Наш перестал поворачиваться, — объяснил Олег. — Замок меняли весной. Виктор Петрович дал новый, но Галя его куда-то положила.

— Я положила в папку с дачными квитанциями.

— А папку куда?

— Вот она.

Галина раскрыла принесённую папку. Между счетами, инструкцией к насосу и старой схемой электричества лежал блестящий ключ с синей пластиковой головкой.

Нина вынула из кармана второй — маленький, латунный.

— Этот от прежнего замка, — сказал Антон.

— Я знаю. Нового нам никто не дал.

Все посмотрели на чёрный ключ в его руке. Он был не похож ни на один из двух.

— Три ключа, — сказала Лиза. — И только один подходит?

— Сейчас проверим, — ответил Антон.

Кухня стояла на стыке участков, приземистая, с покатой крышей. Кирпич у цоколя позеленел, водосточная труба отошла от стены. Над дверью сохранилась керамическая табличка с цифрой семь, хотя никакого седьмого дома здесь никогда не было. Табличку когда-то нашла мать Антона и прибила для красоты.

Чёрный ключ вошёл в замок, но не повернулся. Антон нажал плечом на дверь, приподнял ручку и попробовал снова. Бесполезно.

— Дай я, — сказал Олег.

— Что ты сделаешь?

— Иногда чужие руки помогают.

Антон уступил. Олег повторил те же движения, добавив сильный рывок. Замок щёлкнул.

— Видишь?

— Ты дверь на себя потянул.

— А ты гордость от себя не оттянул.

Галина засмеялась, Вера тоже. Даже Нина улыбнулась краем губ. На несколько секунд они стали прежней компанией, где каждый знал, кто пересаливает огурцы, кто забывает спички и кому нельзя доверять открывание банок. Антону захотелось удержать эту лёгкость, и он распахнул дверь шире.

Из кухни пахнуло сыростью.

На полу лежали листья, занесённые через щель под дверью. В углу потемнела штукатурка. Два старых стола стояли составленными вдоль окна, накрытые клеёнкой. Между ними действительно оставалась щель — теперь в неё провалился край клеёнки, образовав пыльную складку. На подоконнике лежали мышиные катышки.

— Окно текло, — сказал Олег.

— Не окно. С крыши по стене, — ответил Антон.

Он прошёл внутрь, провёл пальцами по влажному пятну и посмотрел вверх. Потолочная доска у трубы потемнела. Ремонт был небольшой: поправить желоб, заменить кусок обрешётки, просушить стену. Но прежде надо было понять, чья это стена и кто имеет право ставить лестницу снаружи. После увиденного кола даже простой ремонт перестал быть простым.

Галина распахнула окно. Вера сняла клеёнку и вынесла на крыльцо. Нина осталась у двери.

— Где будет ваш стол? — спросила она.

— Не мой, — сказал Антон. — Общий.

— Где будет общий стол?

Он показал на середину комнаты. Если убрать два старых, дубовая столешница встанет вдоль длинной стены. Проход к плите останется свободным, от двери можно будет пройти с подносом. Антон начал объяснять размеры, но Нина остановила его:

— А войти к нему мы как должны?

— Через дверь.

— К двери как попасть?

Антон посмотрел наружу. От калитки Лапиных до кухни было шагов пятнадцать. Теперь красный кол и линия в траве показывали, что весь этот короткий путь проходит по полосе Речкиных. Другой путь существовал: выйти из участка Лапиных на дальнюю дорожку, обогнуть два забора и зайти через ворота товарищества. Минут семь вместо нескольких секунд. Для здорового человека — неудобство. Для Веры, которая после операции ходила медленно и берегла колено, — совсем другое.

— Вы всегда здесь ходили, — сказал он.

— Всегда, — ответила Вера.

— Тогда ходите дальше.

Нина скрестила руки.

— По вашему разрешению?

— При чём тут разрешение?

— При бумагах. Вчера вы разрешаете, завтра продаёте участок. Новый хозяин ставит забор по красной линии, и мы ходим вокруг. Или ваш фургон встаёт у навеса, и Вера протискивается между бампером и сиренью. Мы уже жили на устном «ходите».

— Никто вам не запрещал.

— Ваш отец велел нам убрать калитку с его земли прошлой осенью.

Антон повернулся к Галине. Та опустила глаза к папке.

— Ты знала?

— Слышала, что они спорили.

— О чём?

— О границе. Я не лезла.

— Все не лезли, — сказала Нина. — Очень удобно.

Лиза вышла на крыльцо и присела возле красной линии. Не касаясь кола, сфотографировала его, потом сняла проход, калитку и угол навеса.

— Зачем фотографируешь? — спросил Антон.

— Чтобы видеть целиком. Здесь линия уходит под твой навес.

Олег подошёл ближе.

— И правда уходит.

Антон это заметил раньше, но не придал значения. Навес отец пристроил к мастерской лет десять назад. Под ним помещались «Нива», фургон и штабель длинных досок. Если линия, отмеченная геодезистом, была точной, дальняя стойка навеса стояла с другой стороны границы — возможно, на земле Сафроновых.

— Так чья же это линия? — спросила Галина.

Нина вынула из сумки Веры сложенный лист.

— Согласно выписке, граница между нашими участками и Речкиными проходит через старую калитку. Дальше она поворачивает к кухне. Но на старом плане проход был обозначен отдельно.

— Покажи, — сказал Антон.

— Я принесла не для того, чтобы отдать вам единственный экземпляр.

— Я не собираюсь его есть.

— Нина, покажи, — тихо попросила Вера.

Лист оказался копией схемы с множеством линий и мелких цифр. Антон не умел читать такие документы уверенно. Он узнавал очертания участков, дорогу и прямоугольник кухни, но две линии накладывались друг на друга, а обозначения были похожи на дроби.

— Кто поставил колышки? — спросил он.

— Специалист, которого мы вызвали, — ответила Нина. — По сведениям из реестра.

— Зачем?

— Потому что мы хотим восстановить проход.

— Так проход же оказался на нашей стороне.

— Нынешняя запись — да. А раньше была общая полоса. Потом она исчезла из схемы. Ваш отец поставил подпись, что согласен с границами.

Слова прозвучали без нажима, и от этого Антону стало хуже. Он снова посмотрел на план. Подписей на копии не было.

— Где вы это видели?

— В деле. Мы подали запрос ещё весной.

— Почему отец мне не сказал?

— Это вы у него спросите, — сказала Нина и сразу отвела взгляд.

Вера коснулась её локтя. Нина сжала губы.

Антон сложил лист по прежним сгибам и протянул обратно. Он почувствовал знакомое желание заняться тем, что можно измерить. Крыша текла в определённом месте. Замок открывался, если потянуть дверь. Старые столы можно было вынести, новый — поставить. Слова о деле, реестре и давней подписи не имели поверхности, к которой приложишь линейку.

— Давайте по порядку, — сказал он. — Я закончу стол. Крышу тоже надо поправить. С проходом разберёмся отдельно.

— Нет, — ответила Нина.

— Что нет?

— Отдельно не получится. Стол обещан трём семьям. Сейчас одна семья может попасть к нему только с вашей земли и по вашему разрешению. Получается, подарок ваш, кухня ваша и дорога к ней тоже ваша.

— Кухня не наша.

— Тогда почему ключ был только у вас?

Галина подняла свой ключ с синей головкой.

— У нас тоже есть.

Олег взял его, вставил в замок и повернул. Ключ подошёл. Значит, чёрный был не единственным.

— Виктор Петрович дал нам весной, — сказала Галина. — Я забыла.

Нина положила на ладонь старый латунный ключ.

— А нам не дал.

Три ключа лежали рядом: чёрный Антона, синий Сафроновых, латунный Лапиных. Два открывали нынешний замок. Третий открывал дверь, которой больше не существовало.

— Сделаю копию, — сказал Антон.

— Спасибо, — ответила Вера.

Нина покачала головой.

— Копия ключа не вернёт проход.

— Но даст вам доступ к кухне.

— Через семь минут вокруг. Вера зимой здесь не ходит, но дело не в минутах. Если согласиться сейчас, потом скажут: доступ был, нарушения нет.

— Кто скажет?

— Любой человек по инструкции.

Антон вспомнил надпись под столешницей: не резать до разговора. Возможно, отец собирался поговорить именно об этом. Возможно, стол был его способом начать. Или закончить. Умерший человек оставлял после себя поступки без пояснений, и живым приходилось выбирать между лучшей и худшей версией его намерений.

Лиза взяла со старого стола блокнот, сдула пыль и нарисовала несколько линий.

— Вот кухня, вот участки, вот проход, — сказала она. — Я не знаю, что записано в документах, поэтому это не схема границ. Просто как люди ходят. Нина и Вера хотят прямой выход к кухне и дороге. Сафроновым нужен доступ к кухне и колодцу. Нам нужен въезд к мастерской и навесу. Правильно?

— Нам ещё нужен нормальный водосток, — сказал Олег.

— Это ремонт, не путь.

— А без ремонта кухня сгниёт, пока вы пути делите.

— Не сгниёт за неделю, — сказал Антон. — Я поправлю желоб.

— С чьей стороны поставишь лестницу? — спросила Нина.

Он посмотрел на наружную стену. Чтобы добраться до трубы, лестницу пришлось бы поставить за красной линией, на узкой полосе, которую Нина считала частью общего прохода, а документы, вероятно, относили к Речкиным.

— С какой понадобится.

— Вот так всё и начиналось.

Антон резко повернулся к ней.

— Что начиналось?

Нина не отступила.

— Ваш отец тоже говорил: какая разница, чья земля, мы же соседи. Поставил навес, перенёс сетку, сделал удобный въезд. А когда понадобилась подпись, оказалось, разница есть.

— Какая подпись?

— Та, которую вы пока не хотите видеть.

— Я пять минут назад узнал, что она существует.

— А мы пять лет ходим вокруг.

Вера закрыла лицо ладонью. Галина стала собирать бумаги, хотя ни один лист не доставала. Олег вынес табурет из кухни и сел, вытянув больную ногу.

Лиза подошла к Антону.

— Пап, не надо сейчас решать всё.

— Я и не решаю.

— Ты уже обещал стол, крышу и копию ключа.

— А что, не делать?

— Сначала понять, что из этого связано.

Он хотел ответить, что крыша никак не связана с границей, но увидел лестницу, которую некуда поставить без спора. Хотел сказать, что ключ — простая железка, но два подходящих ключа находились у тех, кому нынешняя граница была удобнее. Даже стол нельзя было внести в кухню через дверь без того, чтобы пройти по спорной полосе.

Олег открыл термос.

— Может, кофе выпьем, пока горячий? Потом поругаемся дальше.

— У нас из города есть, — сказала Лиза.

— Из города кофе не считается. Он в картоне.

Они вышли на улицу. Галина принесла из своего дома кружки, Нина отказалась, Вера взяла половину. Антон стоял с бумажным стаканом возле кола. Красная лента шевелилась на ветру и время от времени касалась сирени.

— Когда придёт специалист? — спросил он Нину.

— В среду будет в товариществе. Денис Круглов, из земельного отдела. Мы записались на приём прямо здесь, чтобы не объяснять по фотографиям.

— Я тоже буду.

— Будьте.

— Пришли мне копии того, что у вас есть.

Нина помедлила.

— Пришлю. Не потому, что это ваши бумаги. Потому что без вас границу не изменить.

— Я пока не говорил, что её надо менять.

— Поэтому и пришлю.

Перед отъездом Антон сделал копию синего ключа в мастерской товарищества: председатель держал там старый станок и связку заготовок. Копия вышла серебристой, слишком новой. Антон отдал её Вере, не Нине. Вера проверила замок, открыла и закрыла дверь дважды.

Нина убрала старый латунный ключ в карман.

— Зачем он тебе? — спросила сестра.

— Чтобы помнить, что двери меняют раньше, чем предупреждают.

Антон запер кухню своим чёрным ключом. Синий остался у Галины, серебристый — у Веры. Старый латунный не открывал ничего, но Нина держала его крепче остальных.

Когда все разошлись, Лиза ещё раз сфотографировала кол. Антон стоял возле навеса и смотрел, как красная линия уходит под крайнюю стойку.

— Если она верная, придётся разбирать угол, — сказала Лиза.

— Не придётся. Сафроновы не потребуют.

— Ты опять говоришь о разрешении вместо права.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Оно уже началось без нас.

Антон вынул из кармана карточку заказа. Он взял её из мастерской, чтобы показать размеры, но так и не достал. Под строкой «Срок — до осени» он написал: «До разговора не резать».

Потом посмотрел на кухню. За мутным окном виднелись два старых стола, сдвинутых вместе. Щель между ними казалась отсюда чёрной линией.

Глава 3. Лиза не остаётся

После отъезда соседей Антон распахнул ставни в доме и сразу пожалел об этом. Свет лёг на всё, что за последние недели успело притвориться порядком: на стопку квитанций под сахарницей, на отцовские очки возле календаря, на тапки у печки, поставленные носками к комнате. В полутьме эти вещи ждали Виктора. На солнце стало видно, что ждать некому.

Лиза внесла пустые коробки из фургона и поставила их посреди кухни.

— С чего начнём?

— С одежды, наверное.

— Мы одежду в прошлый раз разобрали.

Антон посмотрел на закрытую дверь маленькой спальни. Он помнил мешки, которые отвёз в город, но не помнил, кто складывал рубашки и кто решил оставить синюю куртку на крючке. После похорон дни состояли из действий, сделанных чужими руками. Одни люди приносили еду, другие уносили стулья, третьи спрашивали, куда положить документы. Антон отвечал и потом не узнавал собственных ответов.

— Тогда посуда, — сказал он.

— Пап, посуда останется в доме. Нам надо разобрать дедовы личные вещи и мастерскую. Мы для этого приехали.

Он не любил слово «личные». Получалось, всё остальное было ничьё: рубанки, тиски, верстак, дом, доски под навесом. Будто человек кончался там, где начиналась работа.

Лиза достала маркер и написала на коробках: «БАБУШКЕ», «ДОМОЙ», «ОТДАТЬ», «НЕ ЗНАЮ».

— Последняя самая большая нужна, — сказал Антон.

— Я взяла ещё три.

Они начали с буфета. Мать Антона просила не трогать сервиз с мелкими синими цветами, хотя сама не пользовалась им лет двадцать. Лиза завернула чашки в старые газеты. Антон нашёл за банкой соли связку ключей и долго перебирал их, пытаясь понять, от каких они дверей.

— Эти от сарая, — сказала Лиза.

— Откуда знаешь?

— На бирке написано.

К алюминиевому кольцу была привязана дощечка с выжженной буквой «С». Антон снял очки, протёр их краем футболки и снова прочитал.

— Мелко.

— Дед специально всё подписывал. Кроме важного.

Она не произнесла ни «граница», ни «подпись». Антон всё равно услышал оба слова.

— Мы пока не знаем, что там было.

— Знаем, что он велел Лапиным убрать калитку.

— Со слов Нины.

— Вера не спорила.

Антон положил ключи в коробку «НЕ ЗНАЮ».

— В среду посмотрим бумаги.

— Посмотрим.

Лиза заклеила коробку с чашками, отнесла её к двери и вернулась за следующей. Она не пыталась продолжить разговор, и это раздражало больше, чем спор. Антону хотелось, чтобы она обвиняла деда резко и несправедливо. Тогда можно было бы защитить Виктора, напомнить, как тот зимой возил Веру в больницу, как ремонтировал Сафроновым крышу после урагана, как никогда не брал денег с соседей за мелкую работу. Но Лиза не выносила приговор.

Она просто складывала вещи и оставляла поступки рядом друг с другом, не позволяя одному отменить другой.

В нижнем ящике буфета лежали старые аптечные рецепты, батарейки, моток бечёвки и детская вилка с красной пластмассовой ручкой.

— Твоя, — сказал Антон.

— Почему моя?

— Ты ею ела.

— Я думала, она всегда здесь была.

Он протянул вилку дочери. На ручке сохранились две белые царапины. Когда Лизе было пять, она отказывалась есть обычной вилкой на даче, и Виктор выточил для неё деревянную подставку, чтобы прибор лежал выше стола и не касался клеёнки. Подставку потом потеряли, а вилка осталась.

— Заберёшь?

Лиза повертела её и положила в коробку «ДОМОЙ».

Антон почувствовал нелепое облегчение. Одна вещь выбрала продолжение.

К полудню кухня стала пустой и гулкой. Они оставили посуду, которой пользовались летом, продукты с нормальным сроком и материны банки. Просроченные лекарства Антон сложил отдельно. Лиза нашла в столе тетрадь с телефонными номерами, сфотографировала страницы и положила её к вещам для бабушки.

— Поедим? — спросила она.

— Давай сначала мастерскую.

— Ты с утра ничего не ел.

— Кофе пил.

— Это не еда.

— В фургоне бутерброды.

— Они были в фургоне два часа на солнце.

Антон пошёл к машине, принёс пакет и понюхал сыр. Лиза смотрела на него, прислонившись к косяку.

— Нормальный.

— Конечно. Ты же проверил прибором.

Они сели на крыльце. Отсюда была видна крыша общей кухни и красная лента на межевом коле. За изгородью Лапиных кто-то включил воду. Шланг дёрнулся, зашуршал по траве. Антон ел быстро, почти не чувствуя вкуса. Лиза сняла сыр со своего бутерброда и положила на пакет.

— Зачем тогда брала с сыром?

— Других не было.

— Можно было сказать.

— Пап, мне двадцать семь. Я справлюсь с бутербродом.

— Я просто спросил.

Она вздохнула, но не ответила. Антон понял, что этот разговор уже происходил много раз, только вместо сыра были зимняя куртка, работа, съёмная квартира, ночная электричка. Он каждый раз задавал простой вопрос, а Лиза слышала проверку. Возможно, потому что проверка там и была.

Мастерская встретила их запахом дубовой пыли. Утреннее солнце ушло с окон, и столешница снова лежала в глубине, как тёмная вода. На верстаке остались карточка заказа и карандаш. Антон машинально проверил, не выгнуло ли щит, провёл ладонью по кромке и только потом заметил, что Лиза стоит у шкафа с инструментами.

— Здесь ничего не выбрасываем, — сказал он.

— Я ещё не открыла дверцу.

— Просто предупреждаю.

— Зачем мы тогда пришли?

— Разобрать личное.

— А в мастерской личного нет?

Антон огляделся. На гвозде висел отцовский фартук, затвердевший от клея. На подоконнике стояла кружка с надписью «Лучший мастер», подаренная Лизой в школе. Над точилом была приколота фотография: Виктор держит маленькую Лизу на плечах, Антон стоит рядом и щурится от солнца. За спинами у них — каркас этой самой мастерской, ещё без стен.

— Фартук можно снять, — сказал он.

Лиза сняла фотографию.

— Это возьму я.

— Возьми.

Она положила снимок поверх детской вилки. Антон заметил, что опять обрадовался, и разозлился на себя. Он будто вёл невидимый счёт: что дочь берёт, что оставляет, какую часть их жизни признаёт своей.

В верхнем ящике стола нашлись блокноты Виктора. Большинство были рабочими: размеры окон, фамилии заказчиков, суммы, короткие пометки «перезвонить» и «петли его». Антон листал их стоя. Почерк отца менялся к концу каждого года: весной строчки были прямыми, к осени цифры спешили и налезали друг на друга.

— Отложи все, — сказала Лиза. — Потом спокойно посмотрим.

— Здесь заказы. Люди могут ждать.

— Ты собираешься их доделывать?

— Если отец взял деньги — надо.

— Сначала узнай, брал ли.

Антон раскрыл последний блокнот. Между страницами лежали две квитанции и список из четырёх фамилий. Напротив трёх стояли галочки. Четвёртой была Лапина. Рядом Виктор написал: «после разговора».

Антон показал запись Лизе.

— О чём разговор? — спросила она.

— Не знаю.

— Положи к бумагам про участок.

— Это рабочий блокнот.

— Пап, фамилия Лапиной и «после разговора». У тебя под столом «до разговора». Может, связь есть.

— Может, заказ на полку.

— Может. Поэтому и положи рядом, а не прячь в рабочее.

— Я ничего не прячу.

Лиза встретила его взгляд. Она не повысила голос, но Антону стало жарко, будто дверь мастерской закрыли.

— Давай без этого, — сказал он.

— Без чего?

— Без намёков, что мы с отцом что-то прячем.

— Про деда я не знаю. Ты сейчас убрал запись в ящик после того, как она тебе не понравилась.

Антон снова достал блокнот и положил на верстак.

— Довольна?

— Нет. Но теперь мы его не потеряем.

Она взяла пустую коробку и написала: «ДОКУМЕНТЫ». Не «не знаю», не «рабочее» — просто документы. Сложила туда блокноты, квитанции и папку с паспортами на станки.

В дальнем углу стоял узкий шкаф, который Виктор запирал от детей. Детей давно не было, замок не работал, но привычка сохранилась: Антон дёрнул дверцу дважды, прежде чем приподнял её за ручку. Внутри лежали свёрла, банки с морилкой, запасные ножи и деревянные шаблоны. На каждой полке мелом было написано, что должно стоять.

— Это всё пригодится, — сказал Антон.

— Тебе?

— Мастерской.

— Мастерская ничего сама не делает.

— Мне, значит.

Лиза присела возле нижней полки и вытащила плоский ящик. В нём оказались десятки деревянных букв: А, Б, В, ещё одна А, несколько Р и К. Виктор вырезал таблички для домов и всегда оставлял пробные буквы. Лиза сложила из них на полу слово «БРАК».

— Дед бы сказал, что это не брак, а образцы.

— Так и сказал бы.

Антон сел на низкую скамью. Ноги гудели. Через открытую дверь было видно, как пыль плавает в солнечной полосе. Лиза перебирала буквы, отделяя целые от треснувших.

— Я думал, поставим второй стол у окна, — сказал он.

— Зачем?

— Тебе.

— Для чего мне здесь стол?

— Работать.

Лиза медленно положила букву на пол.

— За компьютером?

— Можно и за компьютером. Можно чертить. Ты же умеешь.

— Я умею много чего.

— Вот именно.

Антон поднялся и подошёл к окну. Под ним действительно помещался стол длиной метр двадцать. Розетки рядом не было, но провод можно провести в коробе. Свет падал слева, как положено. Если убрать стеллаж с обрезками, освободилось бы место для кресла. Он представлял это раньше — не каждый день, не как готовый план, а кусками. Лиза приезжает на несколько дней, работает у окна. Потом помогает с заказом. Потом берёт один заказ сама. Никакого торжественного наследования, просто жизнь постепенно становится общей.

— Здесь нормальный интернет ловит, — сказал он. — Я проверял.

— Когда?

— Весной.

— До смерти деда?

— Какая разница?

— Ты уже тогда думал, что я буду здесь работать?

Антон отвернулся от окна.

— Иногда можно приехать к семье, не увольняясь.

— Можно. Я и приезжаю.

— На два часа.

— Сегодня я здесь весь день.

— Потому что вещи надо разобрать.

— А ты хотел, чтобы я приехала зачем?

Он услышал опасность в её вопросе и всё равно пошёл дальше.

— Не знаю. Побыть. Посмотреть, как всё устроено. Может, тебе понравилось бы дерево.

Лиза встала. На коленях её джинсов остались две полосы пыли.

— Я росла в этой мастерской. Я знаю, нравится ли мне дерево.

— Раньше нравилось.

— Мне нравилось быть с вами. Это не профессия.

— Никто не говорит про профессию.

— Ты только что поставил мне рабочий стол.

— В голове поставил. Уже и думать нельзя?

— Можно. Но ты спрашивал меня хоть раз?

Антон взял со стола рубанок и поставил его на полку, хотя тот и так лежал на месте.

— Я не успел.

— За сколько лет?

— Причём тут годы? Мастерская теперь на мне. Вот я и думаю, что с ней делать.

— Ты думаешь, что делать со мной внутри неё.

Снаружи хлопнула калитка. Антон прислушался, но шаги прошли вдоль изгороди и стихли. Он закрыл шкаф, снова открыл и поправил банку морилки, чтобы этикетка смотрела наружу.

— Дед строил её для семьи, — сказал он.

— Дед строил её для работы.

— Одно другому не мешает.

— Ему не мешало. Тебе не мешает. А я работаю в другом месте и живу в городе.

— Сегодня работаешь в одном, завтра в другом. Место своё не лишнее.

— Это не моё место.

Фраза прозвучала спокойно. Антон ждал продолжения, пояснения, смягчения. Лиза молчала.

— Дом тоже не твой? — спросил он.

— Юридически часть дома, наверное, когда-нибудь будет моей. Ты про это?

— Я не про юридически.

— Тогда не связывай дом и мастерскую. Я люблю этот дом. Я люблю вас. Но мастерскую я не возьму.

— Тебе никто сейчас не отдаёт.

— Ты отдаёшь её мне уже много лет. По кусочку. То говоришь, что надо научиться точить ножи, потому что больше некому. То спрашиваешь, зачем я училась рисовать, если не умею сделать нормальный чертёж шкафа. То сохраняешь для меня дедов кульман. Теперь ставишь стол у окна.

— Это всё было в шутку.

— Не всё.

Антон хотел перечислить случаи, когда действительно шутил, но понял, что не помнит интонаций. Зато помнил, как подарил Лизе на шестнадцать лет набор резцов. Она просила деньги на хороший фотоаппарат. Резцы до сих пор лежали в синем футляре на верхней полке.

Он снял футляр и поставил перед ней.

— Твои.

Лиза провела пальцем по пыли.

— Я знаю.

— Ни разу не пользовалась.

— Пользовалась. Один раз, когда дед показывал липу. Потом ты сказал, что я держу левую руку неправильно и останусь без пальца.

— Потому что неправильно держала.

— Возможно. Я не говорю, что ты плохо учил. Я говорю, что не хотела учиться.

— Почему сразу не сказала?

— Сказала. Я попросила фотоаппарат.

Антон открыл футляр. Металл резцов не заржавел. Виктор смазал их перед тем, как убрать. На одном лезвии сохранилась тонкая тёмная полоска.

— Хороший набор.

— Очень хороший. Поэтому отдай тому, кто будет им работать.

— Ты можешь передумать.

— Я могу. Но не хочу, чтобы ты хранил мою жизнь на случай, если она станет похожа на твою.

Он захлопнул футляр сильнее, чем собирался.

— Моя жизнь настолько плохая?

— Я этого не говорила.

— А как ещё понимать?

— Как то, что она твоя. И дедова была дедова. Моя не обязана быть продолжением.

Антон прошёл к столешнице. На тёмном щите мелом стояли три буквы. У каждой семьи был свой край будущего стола, хотя сидеть люди должны были вместе. Отец заранее назначил им места, а теперь даже мёртвый заставлял остальных разбираться с его решением.

— Всё кому-нибудь достаётся, — сказал Антон. — Дом, инструмент, долги. Нельзя сделать вид, что этого нет.

— Я не делаю. Я сегодня приехала разбирать вещи. Я буду помогать бабушке. Если понадобится продать дом, мы разберёмся. Но мастерскую я не унаследую как работу.

— Продать дом?

— Я сказала «если».

— Мать не собирается продавать.

— Хорошо.

— И я не собираюсь.

— Хорошо, пап.

Её согласие ничего не исправило. Антон увидел перед собой годы, в которых он один открывает мастерскую, один покупает дерево, один закрывает ставни на зиму. Потом кто-то чужой выносит станки или дом продают вместе с ними. Он понимал, что это не довод. Понимал и всё равно злился на Лизу за картину, которую нарисовал сам.

— Ты хотя бы понимаешь, сколько здесь труда? — спросил он.

— Понимаю.

— Не похоже.

— Потому что я не соглашаюсь жить здесь?

— Потому что говоришь «не возьму», как будто речь о старом шкафе.

— А как надо отказаться, чтобы тебе не было больно?

Антон открыл рот и не нашёл ответа.

Лиза села на скамью. Она не плакала и не собиралась уходить, и от этого разговор нельзя было списать на вспышку. На улице снова зашумела вода. В мастерской тикали часы, которые Виктор повесил над дверью. Они отставали на семь минут, сколько Антон себя помнил.

— Мне будет больно в любом случае, — сказал он.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты делаешь мою честность причиной своей боли. А причина не в ней. Тебе больно, что дед умер и всё изменится. Мне тоже. Но если я скажу, что останусь, дед не вернётся и ничего не сохранится. Только я пообещаю чужую жизнь.

Антон провёл ладонью по торцу столешницы. Дуб был холодным. В одном месте волокно задралось, цепляясь за кожу.

— Не обязательно навсегда, — сказал он.

— Вот поэтому я говорю сейчас и прямо. Не на год. Не попробовать ради тебя. Я не остаюсь в мастерской.

Слова легли между ними ровно, без щели, которую можно было заполнить уступкой.

Антон взял карандаш и написал на обратной стороне карточки заказа: «Лиза — не мастерская». Почерк вышел глупым, будто он назначал дочь деталью, которой не будет в комплекте. Он зачеркнул строку.

— Что написал? — спросила Лиза.

— Ничего.

— Покажи.

Он протянул карточку. Лиза прочитала зачёркнутое, но не усмехнулась.

— Напиши нормально.

— Как?

— Как услышал.

Антон перевернул карточку и под строкой «До разговора не резать» вывел: «Лиза не остаётся». Несколько секунд смотрел на написанное. Рядом с рабочими пометками фраза казалась окончательной.

— Так? — спросил он.

— Так.

— И что мне с этим делать?

— Не знаю. Но теперь хотя бы не строить для меня стол у окна.

Они вернулись к вещам. Футляр с резцами Лиза положила в коробку «ОТДАТЬ». Антон хотел переложить в «НЕ ЗНАЮ», но оставил. Фотографию и детскую вилку она забрала. Рабочие блокноты ушли в коробку с документами. Отцовский фартук Антон снял с гвоздя, вытряхнул опилки и сложил для матери.

В шкафу под лестницей они нашли старый кульман. Деревянная рама упиралась в стену, ролики на линейке застыли. Антон вынес его на свет.

— Этот тоже отдаём? — спросила Лиза.

— Ты им пользовалась.

— В художественной школе. Один семестр.

— Хорошая вещь.

— Тогда оставь себе.

— Мне не нужен.

Лиза провела линейку по направляющей. Та сдвинулась с сухим шорохом.

— Можно предложить школе, — сказала она. — Если им нужен. Не выбрасывать и не хранить для несуществующей меня.

Антон хотел сказать, что школа возьмёт только современное оборудование. Потом вспомнил резцы, которые пятнадцать лет ждали одного движения её руки.

— Позвонишь им?

— Позвоню в понедельник.

Он написал на куске малярной ленты «ШКОЛА?» и приклеил к раме. Вопросительный знак оставлял путь назад, но это уже был другой путь — не к Лизиному рабочему месту, а из мастерской наружу.

К вечеру коробок стало восемь. Антон загрузил в фургон вещи для матери и документы. Остальное они составили вдоль стены дома. Лиза подмела мастерскую, хотя он говорил, что опилки всё равно появятся завтра. Она не ответила и мела от дальнего угла к двери, собирая вместе дубовую пыль, сухую траву и обломки букв.

Перед тем как закрыть мастерскую, Антон проверил столешницу. На ней лежала карточка заказа. Он убрал её в нагрудный карман.

— В среду приедешь? — спросил он.

Лиза опёрлась на метлу.

— На встречу с Кругловым?

— Да.

— Если ты хочешь, чтобы я была свидетелем разговора, приеду. Если хочешь, чтобы я потом работала над схемой участка, это отдельно.

— Я пока ничего не хочу.

— Хорошо. Тогда напиши время.

— Напишу.

Она закрыла дверь дома, подёргала ручку и вернула ключ Антону.

— Оставь себе, — сказал он.

— У меня есть свой.

— Этот дедов.

Лиза посмотрела на ключ, потом на него.

— Пусть пока будет у тебя. Ключ от дома и мастерская — не одно и то же. Я буду приезжать.

Антон положил ключ в карман. Раньше он услышал бы только отказ. Теперь услышал и вторую фразу, хотя не знал, достаточно ли этого.

Они сели в фургон. У общей кухни красная лента уже не шевелилась: ветер стих. Антон завёл двигатель и посмотрел на мастерскую в зеркало. Окно темнело, пустое, без придуманного стола для Лизы.

На выезде она спросила:

— Ты завтра будешь резать столешницу?

— Нет.

— Из-за границы?

— Из-за разговора.

Лиза кивнула. Антон не уточнил, какого именно.

Глава 4. Край доски

В воскресенье Антон приехал без Лизы и всё равно открыл пассажирскую дверь, прежде чем вспомнил, что рядом никого нет.

На сиденье лежал пакет с яблоками, который мать передала для соседей. Он переставил его на пол, захлопнул дверь и несколько секунд стоял возле фургона. После вчерашнего разговора мастерская казалась меньше. Никакого настоящего стола у окна там не было, но Антон видел пустое место, оставшееся от него.

Ночью прошёл дождь. Красная лента на колке намокла и прилипла к дереву. Антон обошёл отметку по траве, хотя раньше ступил бы через неё не глядя. В доме он не задержался. Поставил чайник, открыл мастерскую и первым делом вынул карточку заказа.

«До разговора не резать».

«Лиза не остаётся».

Две строчки не имели отношения к размерам стола, сорту дуба или сроку, но теперь без них работа не двигалась.

Антон положил карточку под прижим на верстаке. Столешница ждала на козлах. За ночь её не повело, влажность в мастерской держалась ровно. Он проверил щит длинной алюминиевой рейкой, потом прошёлся ладонью по лицевой стороне. Вчера на это не хватило внимания: соседские голоса, ключи, линия в траве. Сегодня дерево снова стало деревом, и от этого было легче.

Виктор собирал столешницу из широких дубовых досок, подобранных по рисунку. Средняя доска была светлее, две крайние — темнее, с тесными линиями годовых колец. Если смотреть от торца, волокна сходились к середине, как течение вокруг острова. Отец умел собирать щиты так, что место склейки находил только мастер.

Антон поставил лампу ниже и увидел на дальнем краю матовое пятно.

Сначала решил, что это высохший клей. Провёл ногтем. Поверхность была гладкой, но под лаком проступала тонкая тёмная дуга длиной с ладонь. Антон наклонился. Дуга начиналась у кромки, уходила внутрь доски и исчезала под узкой вставкой, почти совпадавшей по цвету с дубом.

Он подвинул лампу.

Вставка оказалась не частью рисунка. Виктор вырезал неглубокий паз, вклеил в него пластину и тщательно подобрал волокно. Сверху прошёл морилкой. Работа была сделана чисто, но не закончена: с обратной стороны щита трещина оставалась открытой.

Антон лёг на пол и посветил фонарём снизу. Тонкая щель тянулась дальше, чем тёмная дуга на лице, почти до первого поперечного крепления. В неё входил угол бумажного листа.

— Вот зачем не резать, — сказал он вслух.

Мастерская вернула слова коротким эхом.

Если сейчас подрезать столешницу по окончательному размеру, трещина окажется слишком близко к краю. При сезонной сырости дуб начнёт двигаться, щель раскроется и потянет за собой вставку. Можно было отнять ещё семь сантиметров, убрать повреждение целиком и сделать стол уже. Но тогда между сидящими стало бы теснее, а заготовленные царги и ножки пришлось бы переделывать.

Можно было выбрать второй путь: раскрыть трещину, вклеить усиление снизу и сверху снова подобрать цвет. После шлифовки дефект увидит только тот, кто знает, куда смотреть.

Антон достал мел и очертил повреждение. На обратной стороне рядом с трещиной обнаружились две маленькие отметки карандашом. Виктор собирался поставить поперечные вставки — узкие деревянные замки, которые удержали бы края. Контуры были размечены, но дерево не выбрано.

Чайник в доме засвистел. Антон не пошёл. Свист продолжался, потом захлебнулся, и стало тихо.

Он представлял, как отец обнаружил трещину. Возможно, щит упал. Возможно, дуб уже имел внутреннее напряжение и раскрылся после склейки. Виктор не выбросил заготовку. Сделал лицевую вставку, замаскировал дугу, наметил усиление снизу. Всё привычно: сначала убрать то, что видят люди, потом решить остальное.

Антон одёрнул себя. По одной трещине нельзя судить о человеке. Он сам десятки раз закрывал мелкий изъян до окончательного ремонта, чтобы в дерево не набилась пыль. Вставка могла быть пробой. Отец мог остановиться именно потому, что решил переделать.

Но лицевая сторона была покрыта первым слоем масла. Не проба. Виктор готовил её к тому, чтобы след исчез.

Антон принёс чайник, налил воду в кружку и поставил её на подоконник. Чай получился горьким: он бросил две ложки заварки прямо в кипяток. Мать называла это мастерским чаем и отказывалась пить.

На телефоне было сообщение от Лизы: «Позвонила про кульман. В понедельник соединят с завхозом».

Антон написал: «Хорошо».

Потом сфотографировал трещину сверху и снизу. Палец завис над именем дочери. Ему хотелось спросить, что она думает, но вопрос получался нечестным. Лиза не столяр. Если она скажет оставить след, Антон сможет обвинить её в непонимании ремесла. Если посоветует спрятать, он получит удобное разрешение. Решать всё равно ему.

Он убрал телефон.

В углу стояли две дубовые доски из того же запаса. Одной хватило бы на новую крайнюю полосу. Антон приложил обрезок к столешнице. Цвет отличался: свежая доска была серее, рисунок шёл почти прямо. После масла разница уменьшится, но не исчезнет. Чтобы заменить повреждённую часть, пришлось бы распустить щит по месту склейки, снять край и собрать заново. Три дня работы, если всё пойдёт хорошо. Больше, если поведёт соседнюю доску.

Он включил верхний свет и снова осмотрел вставку. При обычном освещении она почти пропадала. В общей кухне никто не станет ползать под столом с фонарём. Люди увидят широкую дубовую поверхность, поставят тарелки, прольют чай. Через месяц появятся первые царапины. Через год тёмная дуга станет одним из следов пользования.

Только Антон будет знать, что под гладким краем спрятана щель.

В дверях возник Олег Сафронов. Он постучал по косяку уже после того, как вошёл.

— Работаешь?

— Смотрю.

— Это у вас называется работать.

Олег принёс банку с солёными огурцами и пакет укропа. Поставил всё возле кружки.

— Галя велела передать. Яблоки видел в машине, это нам?

— Всем. Разделите с Лапиными.

— Сам раздели. Если я принесу Нине три яблока, она спросит, по какой границе я делил пакет.

Антон не улыбнулся.

Олег заметил мел на столешнице.

— Что там?

— Трещина.

— Большая?

— Пока нет.

Олег подошёл, нагнулся, посмотрел сверху.

— Я не вижу.

— Вот.

Антон провёл пальцем по дуге.

— Теперь вижу. И что?

— Отец её закрыл вставкой, а снизу не укрепил.

— Укрепишь.

— Можно.

— Тогда в чём беда?

Антон показал обратную сторону. Олег присел с трудом, опираясь на край козел. Щель он увидел сразу.

— Так это низ. Его никто не увидит.

— Дело не в этом.

— А в чём?

Антон не хотел объяснять. Олег был соседом, а стол предназначался и ему. Если рассказать про риск, тот может решить, что заготовка плохая. Если не рассказать, получится то же, что с проходом: мастер знает больше и сам назначает, что другим достаточно.

— Если просто укрепить снизу, держаться будет, — сказал Антон. — Но сверху останется вставка, которая скрывает начало трещины. Можно вырезать весь слабый край и заменить. Тогда будет видно новую полосу дерева. Или сделать крепление так, чтобы ремонт оставался видимым.

— Зачем видимым?

— Чтобы никто не думал, будто доска целая.

Олег выпрямился и потёр колено.

— Антоша, я ем за столом, а не проверяю его биографию. Если не развалится — делай красиво.

— А если через пять лет раскроется?

— Починим.

— Кто?

Олег посмотрел на него внимательнее.

— Ты сейчас про доску или про что-то другое?

— Про доску.

— Тогда укрепи как положено. Пять лет — большой срок. За пять лет у нас кухня может совсем сгнить, Нина поставит ворота на колёсах, а я стану ходить без колена. Не заставляй стол отвечать за всех.

Он взял один огурец из банки, откусил и сразу сморщился.

— Галя опять соли не пожалела.

Антон подал ему кружку, но Олег понюхал чай и отказался.

— В среду придёшь? — спросил Антон.

— К Круглову? Приду. Галя папку уже три раза проверила. У нас, оказывается, один угол сарая тоже гуляет по бумагам.

— Линия под навесом это показывает.

— Показывает колышек. Что он значит, пусть человек объяснит.

— Если навес стоит на вашей земле, скажешь разбирать?

Олег задумался. Доел огурец до хвостика, хвостик бросил в ладонь.

— Сейчас — нет. А если участок детям достанется, не знаю. Они здесь не живут, продадут, скорее всего. Вот новый хозяин и скажет.

— Значит, разрешение ничего не решает.

— Решает, пока мы живы.

— А потом?

— А потом вы без нас решите.

— Кто «вы»?

— Ты, Лиза, наши дети, Лапины. Кто останется.

Антон посмотрел на пустое место у окна.

— Лиза здесь не останется.

Олег перестал вертеть огуречный хвостик.

— Поругались?

— Нет. Она сказала.

— Одно другому не мешает.

— Она мастерскую не хочет.

— А ты в двадцать семь хотел?

Антон вспомнил себя в этом возрасте. Он работал в мебельном цехе в городе и приезжал к отцу только по субботам. Виктор предлагал перейти к нему, но Антон отказывался: частные заказы казались ненадёжными, да и целый день рядом с отцом выдержать было трудно. В мастерскую он вернулся после закрытия цеха, когда Лизе было уже девять.

— Не хотел, — признал он.

— Ну вот.

— Это не значит, что она захочет потом.

— Не значит.

Олег сказал это без утешения, и Антон был ему благодарен.

— Я яблоки занесу, — сказал сосед. — И лестницу могу дать, если водосток будешь делать. Только Нину предупреди, прежде чем ставить.

— Предупрежу.

Олег ушёл, прихватив пакет. Банка с огурцами осталась на подоконнике. Антон снова лёг под столешницу и долго рассматривал трещину.

Отец наметил два деревянных замка одинакового размера. Для прочности этого хватило бы. Антон мог сделать их из тёмного ореха, а не подбирать дуб в цвет. Снизу две фигуры будут видны сразу. Сверху он мог снять узкую маскирующую вставку и раскрыть дугу до чистого дерева, затем заполнить её прочным составом с дубовой пылью. След останется — не зияющая щель, а тонкая тёмная линия. Она не ослабит край и не притворится рисунком.

Такой ремонт не был самым красивым. Зато его можно было показать Нине, Сафроновым и Лизе до окончательной отделки. Рассказать, что произошло, и дать им решить, принимают ли они стол с этим следом.

Антон достал из ящика тонкий нож и подцепил край отцовской вставки. Та держалась крепко. Чтобы снять её, придётся выбрать дерево фрезером. Одно неверное движение — и дуга станет шире.

Он поставил нож обратно.

На полке лежали ореховые обрезки. Антон выбрал дощечку без сучков и приложил шаблон. Потом остановился. Карточка говорила не резать до разговора. Укрепление снизу тоже было резом. До среды стол выдержит. Спешить некуда.

Вместо инструмента он взял лист бумаги и нарисовал край в разрезе. Отметил трещину, старую вставку, два будущих замка. Под рисунком написал три варианта.

Первый: отрезать повреждённый край, сделать стол уже.

Второй: заменить крайнюю доску, сохранить размер, получить заметную полосу другого дуба.

Третий: оставить доску, укрепить снизу тёмными вставками, сверху не скрывать линию ремонта.

Обычно Антон не показывал заказчикам такие вещи. Люди платили ему за то, чтобы он сам выбрал правильное решение. Если спрашивать о каждой трещине и каждой петле, работа никогда не закончится. Но этот стол не был обычным заказом. Денег за него никто не платил.

И право решать, что считать допустимым следом, не принадлежало одному мастеру только потому, что у него были инструменты.

Он сфотографировал рисунок и отправил в общий чат, который вчера создала Галина. В чате были Лапины, Сафроновы, Лиза и он. Название «Наша дача» уже успело показаться Антону слишком весёлым.

Он написал: «Нашёл трещину в крайней доске столешницы. Отец начал ремонт, но не закончил. Стол можно сделать прочным тремя способами. На встрече покажу. До разговора ничего не режу».

Первой ответила Галина: «Главное чтобы безопасно».

Потом Вера поставила знак поднятого большого пальца. Нина написала: «Спасибо, что сообщили».

Лиза не отвечала несколько минут. Антон успел дважды перечитать своё сообщение и заметить пропущенную запятую. Наконец появилось: «Третий вариант можно показать на образце? Не на столе».

Он посмотрел на ореховую дощечку.

«Можно», — написал Антон.

Для образца нашёл дубовый обрезок с краевой трещиной. Такая работа не нарушала отцовской надписи: столешницу он не трогал. Антон разметил две маленькие фигуры поперёк щели, настроил фрезер и выбрал пазы. Ореховые вставки сел плотно, без зазора. Он не стал ждать полного высыхания клея, чтобы шлифовать, но уже было видно, как тёмное дерево пересекает светлый дуб и удерживает края.

С лицевой стороны Антон раскрыл трещину тонким резцом, вычистил слабые волокна и заполнил её смесью клея с дубовой пылью. Не подкрашивал. Линия осталась заметной.

Пока образец сох, он занялся водостоком. Позвонил Нине и сказал, что поставит лестницу у кухни. Она пришла сама, открыла калитку и стояла рядом, пока Антон с Олегом поправляли желоб. Лестница одной ногой оказалась на спорной полосе, другой — возле красной линии.

— Так можно? — спросил Антон.

— Сейчас можно, — ответила Нина.

— А по документам?

— В среду узнаем.

Он не стал говорить, что разрешение ничего не решает. Нина и так это знала.

Желоб забился листьями. Антон выгреб мокрую массу рукой, закрепил отошедший кронштейн и пролил воду из ведра. Струя прошла по трубе и вылилась в бочку, не стекая по стене. Небольшая работа, понятный результат. За неё никто не спорил, потому что Антон заранее спросил, куда поставить лестницу.

Вернувшись в мастерскую, он снял струбцины с образца. Ореховые вставки держали. Тёмная линия сверху не исчезла после шлифовки, но перестала выглядеть опасной. Это был видимый ремонт, а не незаконченная поломка.

Антон положил образец рядом со столешницей и сфотографировал оба края. Отправил снимок в чат.

Лиза ответила: «Понятно. Спасибо».

Он набрал: «За что?» — и стёр. Потом написал: «Возьму в среду».

К вечеру солнце дошло до дальнего окна. На гладкой поверхности столешницы проступила отцовская вставка. Теперь Антон видел её с любого места мастерской. Наверное, потому, что знал. Так происходило со всеми скрытыми вещами: однажды замеченные, они уже не возвращались в прежнюю невидимость.

Антон обвёл дугу мелом не для реза, а чтобы показать остальным. Рядом поставил цифру «3» — третий вариант. Потом убрал инструменты, накрыл щит тканью и запер мастерскую.

У фургона он обнаружил на капоте три яблока. Олег всё-таки разделил пакет и вернул долю Речкиных. Одно яблоко было крупным, два поменьше. Антон взвесил их на ладони и подумал, что даже простая справедливость редко выходит одинаковыми кусками.

Он положил яблоки на пассажирское сиденье. На этот раз дверь открыл не по ошибке.

Глава 5. Проход по памяти

Во вторник Нина позвонила в половине восьмого утра и спросила, помнит ли Антон, где раньше стояла бочка для дождевой воды.

Он как раз загружал в фургон две дверцы для городского заказа. Одну уже обернул картоном, вторую держал за нижний край, и телефон пришлось прижать плечом.

— У кухни? — переспросил он.

— Не нынешняя синяя. Старая, оцинкованная. При твоём отце.

— Там же и стояла, под трубой.

— Под какой трубой?

Антон опустил дверцу на войлок.

— Нина Павловна, их было две. Я не знаю, про какую ты.

— Вот поэтому и спрашиваю. Приходи до работы, если можешь. Покажу.

Он посмотрел на часы. Заказчик ждал его к десяти, дорога занимала сорок минут. До выезда оставалось чуть больше часа.

— Завтра Круглов всё посмотрит.

— Завтра каждый станет показывать то, что ему выгодно. Я хочу сегодня, пока мы вдвоём.

— Почему вдвоём?

— Потому что Олег начнёт шутить, Галя будет искать бумагу на каждую доску, а Вера скажет, что ей всё равно, лишь бы не ругались. Мне не всё равно. И тебе, надеюсь, тоже.

Антон хотел ответить, что ему нужно работать. Дверцы лежали у ног, петли и ручки были сложены в подписанные пакеты, маршрут рассчитан. Утренний час имел форму и цену. Но вчера он сам написал в общий чат, что до разговора ничего не режет. Нельзя было требовать общего решения и не выслушать человека, который первым заговорил о проходе.

— Через двадцать минут буду.

— Возьми рулетку.

— Зачем?

— Возьми.

На участке Нина ждала у своей калитки в резиновых сапогах и старой зелёной куртке. В руках у неё была не папка, а короткая садовая лопатка. Красная лента на межевом коле успела высохнуть и снова шевелилась от ветра.

— Доброе утро, — сказал Антон.

— Доброе. Рулетка есть?

Он показал жёлтый корпус на поясе.

— Тогда начнём отсюда.

Нина не пошла к колу. Она открыла свою калитку, провела Антона через узкий двор между домом и кустами смородины и остановилась у задней стены летней кухни. Здесь земля была мягкой после дождя. По ней шла дорожка из разнокалиберных плиток: две серые, одна красная, кусок старого бордюра, снова серая. Дорожка упиралась в сетчатую ограду, поставленную лет десять назад.

— Это наш нынешний выход, — сказала Нина. — Обходим дом, идём вдоль малины, потом через переднюю калитку. А раньше выходили прямо сюда.

Она ткнула лопаткой в нижний край сетки. Под травой лежала плоская бетонная плита. Нина поддела дёрн, и показался закруглённый угол.

— Плитка, — сказал Антон.

— Та же, что возле кухни.

— Таких по посёлку сотни.

— Я не говорю, что это государственная печать. Смотри дальше.

Она пошла вдоль ограды. Антон последовал за ней, стараясь не наступать на клубнику. За сеткой, на стороне Речкиных, росла старая сирень. Два ствола разошлись буквой «рогаткой», и между ними белела узкая полоса, где кора была содрана до древесины.

— Тут цеплялась створка, — сказала Нина.

Антон присел. След был старый, затянутый по краям. На левом стволе сохранилась вмятина, похожая на то место, куда много лет бился металлический крючок.

— Калитка не могла висеть на сирени.

— На столбе висела. Сирень росла рядом. Когда открывали настежь, угол тёрся о ствол.

— Столба нет.

— Убрали.

— Кто?

Нина посмотрела через сетку на мастерскую.

— Твой отец. Сказал, гнилой.

Антон распрямился.

— Когда?

— Лет пятнадцать назад. Может, четырнадцать. До того, как вы навес расширили.

— Навес отец расширял одиннадцать лет назад.

— Значит, раньше.

Она говорила без заминки, но Антон услышал, как приблизительная дата стала точнее только потому, что он назвал свою. Так память подстраивалась под опору. Не обязательно лгала. Просто искала, за что удержаться.

Нина просунула лопатку под сетку и расчистила ещё один край плиты. Потом ещё один. Получалась полоса шириной примерно в две ступни, уходившая от её участка к кухне.

— Измеряй.

Антон вытянул рулетку.

— Пятьдесят восемь сантиметров.

— Калитка была шестьдесят.

— Откуда знаешь?

— Коля делал. Он всё делал по шестьдесят, чтобы тачка проходила.

Коля, муж Нины, умер семь лет назад. Антон помнил его широкие ладони, вечную синюю кепку и привычку оставлять грабли зубьями вверх. Помнил и калитку, но не так ясно, как хотелось бы. В детстве ограды на участке казались временными: взрослые переходили из двора во двор, где было короче, и никто не объяснял детям, чья земля под ногами. Возможно, калитка стояла здесь. Возможно, на два метра левее. В памяти Антона она открывалась то к сирени, то к яблоне.

— Ты сам через неё ходил, — сказала Нина.

— Ходил через разные.

— За хлебом вас посылали. Из кухни — сюда, потом через наш двор к дороге. Передняя калитка у вас тогда заедала.

Антон вспомнил эмалированный бидон с тёплым молоком и пять рублей, зажатые в кулаке. Он бежал мимо смородины, чтобы успеть к приезду лавки. Но чей это был двор? Лапиных или Сафроновых? Воспоминание осталось без забора.

— Может быть, — сказал он.

— Не «может быть». Было.

— Я не спорю, что ходили. Я не помню, где именно.

Нина с силой воткнула лопатку в землю.

— Удобно не помнить.

— А тебе удобно помнить ровно шестьдесят сантиметров.

Они замолчали. За сеткой на крыше кухни стучала сорока. Нина сняла перчатку, вытерла лоб тыльной стороной ладони и сказала спокойнее:

— Я не хочу с тобой ссориться до завтра.

— И я не хочу.

— Тогда не защищай Виктора от того, чего я ещё не сказала.

Антон втянул рулетку. Металлическая лента ударила по корпусу.

— Показывай дальше.

Нина вынула лопатку из земли и повела его к кухне. Прямо пройти было нельзя: сетка перекрывала старую полосу, а с другой стороны начинался навес Речкиных. Они вернулись через двор Лапиных, вышли на улицу, обогнули общий забор и вошли через ворота Антона. Путь занял почти четыре минуты. По старой линии было бы шагов двадцать.

— Когда у Веры мальчишки были маленькие, они по этой дороге бегали к колодцу, — сказала Нина. — И мать твоя ходила. И я с кастрюлями. Не для красоты калитка стояла.

— Сейчас через наш двор тоже можно пройти.

— Сейчас надо спрашивать.

— Я не запрещаю.

— Ты — нет. А если тебя нет? Если ворота закрыты? Если участок продашь?

Антон вспомнил слова Олега: разрешение решает, пока они живы. Нина произнесла то же самое без шутки.

У задней стены кухни она остановилась под старой водосточной трубой. Нынешняя синяя бочка стояла у другого угла, где Антон накануне прочистил желоб. Здесь под трубой земля была заросшей, но возле фундамента лежал круг из мелких камней.

— Вот где стояла оцинкованная, — сказала Нина. — Воду брали все. К ней подходили с нашей стороны через калитку. Если бы полоса была только ваша, зачем ставить общую бочку сюда?

— Потому что труба была здесь.

— Трубу можно было вывести в другую сторону.

— Отец не стал бы перекладывать желоб ради того, чтобы доказать границу.

— Я и не говорю, что доказывал. Тогда никто ничего не доказывал. Пользовались вместе.

Она присела и стала отбрасывать листья от каменного круга. Антон помог. Под листьями обнаружился обломок металлической подставки, рыжий от ржавчины. Две ножки уходили в землю.

— Видишь?

— Вижу старую подставку.

— Для бочки.

— Похоже.

— Не «похоже», Антон. Я её красила каждый май.

— Хорошо. Для бочки.

Нина выпрямилась, держась за стену кухни.

— Мне от тебя не признание нужно. Я хочу, чтобы завтра он не посмотрел только на новые колышки и не сказал: всё правильно, расходитесь.

— Он посмотрит документы.

— А земля для него что, не документ?

— Не знаю. Спросим.

— Если не спросим, не посмотрит.

Антон проверил время. До выезда оставалось сорок минут. Можно было ещё успеть, если не пить чай и не искать пропавший пакет с крепежом.

— Это всё?

— Нет.

Нина обошла кухню и встала у старого крыльца. Три нижние доски были новыми, верхняя ступень — тёмной, вытертой посередине. Справа к ней примыкал узкий каменный порог, который никуда не вёл. За порогом росла крапива, а дальше стоял новый межевой кол.

— Здесь был второй вход, — сказала Нина.

— В кухню?

— Не совсем. Дверь в кладовую. Потом Виктор заложил её досками, когда стену чинил.

Антон подошёл ближе. На обшивке действительно отличались четыре вертикальные доски: они были чуть шире соседних и прибиты новыми по сравнению с остальной стеной гвоздями. Краска выцвела одинаково, поэтому раньше он не замечал прямоугольника.

— Я помню ремонт, — сказал он. — Там низ сгнил.

— Низ сгнил, дверь убрали. Через неё мы заносили мешки, банки, дрова. С нашей калитки прямо сюда.

— Кухня общая. Это не значит, что дорожка была общей землёй.

— А я пока и не говорю про землю. Я говорю про проход.

В этой разнице Антон запутался. Слово «общий» на участке относилось ко всему и ни к чему. Общая кухня стояла на земле, разбитой между владельцами. Общий колодец имел крышку, которую чинил тот, у кого находились доски. Дорожкой пользовались все, но плитки приносили по одной, и никто не записывал, кому принадлежит красная.

— Ты хочешь вернуть дорожку или полосу в документах? — спросил он.

— Хочу иметь право пройти к кухне и колодцу, не спрашивая у тебя разрешения.

— Это не одно и то же.

— Для меня одно. Для Круглова, наверное, нет.

— Тогда завтра надо говорить именно так. Не что вся земля ваша, а что нужен проход.

— Не учи меня, как говорить.

— Я не учу. Если ты потребуешь вернуть всё, а выяснится, что прежняя граница шла иначе, он перестанет слушать про доступ.

Нина посмотрела на кол, потом на прямоугольник бывшей двери.

— Ты уже решил, что я требую лишнего.

— Я решил только то, что память не чертёж.

— А чертёж кто рисовал?

Антон не ответил.

Из дома Сафроновых вышел Олег в майке под расстёгнутой курткой. В руках у него была кружка.

— Вы чего с утра участок раскапываете? — спросил он. — Клад нашли?

— Свидетеля, — сказала Нина и показала на ржавую подставку.

Олег подошёл, отпил чай и заглянул под трубу.

— Бочка старая.

— Помнишь, где стояла?

— Здесь, наверное.

— Не «наверное». Ты из неё воду на костёр носил, когда сарай дымился.

— Нин, у нас за сорок лет три сарая дымились.

— Ваш, в девяносто восьмом.

— Тогда я воду из колодца таскал.

— Сначала из бочки.

Олег пожал плечами.

— Может, сначала из бочки.

Нина повернулась к Антону.

— Вот. Все всё забыли.

— А ты всё помнишь, — сказал Олег. — Поэтому у нас и равновесие.

Она нахмурилась.

— Ты помнишь калитку у сирени?

— Калитку помню.

— Где стояла?

Олег отпил ещё и медленно обошёл кухню, словно точное место можно было увидеть с другого угла.

— Между сиренью и яблоней.

— Яблоня дальше на три метра.

— Сейчас дальше. Раньше ветки низко шли.

— Я спрашиваю не про ветки.

— А я тебе говорю, как помню.

Нина указала лопаткой на линию плит.

— Вот она шла.

Олег прищурился.

— По-моему, левее.

— Если левее, упиралась бы в стену.

— Там дверь была.

— Вот именно.

— Нет, дверь была ближе к углу.

Антон посмотрел на четыре широкие доски. Прямоугольник находился почти напротив найденной плитки, но не точно. Между ними оставалось около метра. Для прямой дорожки слишком много, для дворовой тропы — ничего.

— Галя фотографировала детей у бочки, — сказал Олег. — На плёнку. Может, там видно.

— Где фотографии?

— В городе, скорее всего. Или на чердаке. Не знаю.

— Найди до завтра.

— Я на работу еду.

— Мы все куда-то едем.

Олег посмотрел на Антона, будто просил разделить вину за существование работы.

— Вечером спрошу у Гали, — сказал он. — Но фотография покажет бочку, а не право прохода.

— Пусть покажет хотя бы то, что было, — ответила Нина.

— То, что было, никто не отнимает. Спорим о том, что будет.

Нина отвернулась. Антон заметил, что лопатку она держит обеими руками, прижимая к груди. Ему стало неловко за их точность. Трое взрослых людей разбирали её память на сантиметры, хотя каждый подтверждал главное: калитка была, бочка была, к кухне ходили. Но и Нина требовала от памяти того, чего она не могла дать: провести несомненную линию там, где десятилетиями ходили, огибая кусты и оставленные вёдра.

— Давайте пройдём так, как ходили, — предложил Антон.

— Сетка стоит, — сказала Нина.

— По обе стороны. Каждый на своей стороне. Ты показываешь, мы отмечаем.

Олег поставил кружку на крыльцо.

Они вернулись к участку Лапиных. Нина шла первой и рассказывала, где открывала калитку, куда отводила створку, как обходила сирень. Антон остался за сеткой со стороны Речкиных. Он отмечал мелом на плитах точки напротив её шагов. Олег стоял у кухни и говорил, видит ли прямую.

— От калитки чуть правее, — командовала Нина. — Там раньше не было этого куста.

— Кусту лет тридцать, — сказал Антон.

— Он был меньше.

— Тогда через него всё равно не шли.

— Обходили слева.

— Значит, не по прямой.

— Я не говорила, что по линейке.

Антон сделал ещё одну отметку. Полоса получалась извилистой: от плитки к сирени, потом в сторону кухни, вокруг места, где когда-то могла стоять поленница. У крыльца она разделялась. Один путь шёл к бывшей двери, другой — к колодцу.

— А к бочке отсюда, — сказала Нина.

— Через две дорожки сразу не пройдёшь, — заметил Олег.

— Люди ходят туда, куда им нужно.

— Вот это уже похоже на правду, — сказал Антон.

Нина услышала в его голосе насмешку, хотя он не насмехался.

— Для тебя правда только та, которую можно натянуть рулеткой?

— Для меня сейчас важно не выдать одну тропу за другую. Если здесь было несколько дорожек, так и скажем.

— А потом он выберет ту, которая вам удобнее.

— Не знаю, что он выберет.

— Зато знаю, что выбрал Виктор.

Антон снял мел с плитки и встал.

— Что именно?

Нина посмотрела на Олега. Тот поднял кружку с крыльца, но пить не стал.

— Когда оформляли новые границы, — сказала она, — твой отец пришёл к Коле и сказал, что общий проход отметят потом. Сначала надо подписать основные участки, иначе всё застрянет. Коля поверил.

— Ты была при разговоре?

— Была в доме. Слышала через окно.

— Что сказал отец дословно?

— Дословно я тебе через столько лет не повторю. Смысл был такой.

— Коля подписал?

— Подписал то, что ему дали.

— Он видел схему?

— Наверное, видел.

— «Наверное»?

— Я не стояла у них над плечом.

Антон почувствовал знакомое желание немедленно найти папку, разложить листы, увидеть дату и подписи. Бумага хотя бы не меняла расположение слов от вопроса к вопросу. Но блокнот Виктора лежал в доме, и помета «после разговора» уже перестала казаться случайной.

— Почему Коля потом не потребовал? — спросил он.

— Требовал.

— У кого?

— У Виктора.

— И?

— Тот говорил: не сейчас. Потом началась стройка навеса. Потом Коля заболел. Потом всем стало не до того.

Олег поставил кружку на землю.

— Нина, я разговоры про оформление помню. Но чтобы Виктор обещал именно полосу вернуть — не слышал.

— Тебя там не было.

— Поэтому и говорю, что не слышал, а не что не было.

— А когда навес ставили, ты не видел, куда он встал?

— Видел. Тогда никто колышки не выставлял.

— Коля говорил.

— Коля со всеми спорил, когда навес ставили. Ему свет загораживало.

— Не свет, а проход.

— Мне он про свет говорил.

Нина шумно выдохнула.

— Конечно. Теперь каждый помнит то, за что не надо отвечать.

Олег поднял ладони.

— Я отвечу за своё. Если у Гали есть фотографии, принесу. Если нужно подписать, что калиткой пользовались, подпишу. Но я не буду говорить, что знаю договор Виктора с Колей. Не знаю.

Антон кивнул. Такая осторожность показалась ему честнее уверенности, хотя Нине она причиняла боль.

— Я тоже подпишу, что помню калитку, — сказал он. — Но не точное место и не договор.

— Мне не нужны ваши одолжения, — ответила Нина.

— Это не одолжение.

— Тогда что?

— То, что я действительно могу подтвердить.

Она нагнулась, провела лопаткой по найденной плите и отбила прилипшую землю.

— Когда Коля умер, я не стала поднимать это сразу. Виктор пришёл, помог починить крышу, возил нас в город. Я думала: весной поговорим. Потом он сам заболел. Всё время казалось, что требовать проход сейчас — значит ударить человека, которому и так тяжело. А теперь выходит, что я сама виновата: надо было не жалеть, а писать.

— Ты не виновата, что не писала, — сказал Олег.

— Круглов завтра так не скажет.

— Он вообще не про вину.

— Вот это и страшно.

Антон посмотрел на часы. Он уже не успевал приехать к заказчику к десяти, если не предупредит. Достал телефон и написал, что задержится на полчаса. Заказчик ответил почти сразу: «Хорошо». Мир не рухнул, хотя утренний порядок был нарушен.

— Давай сфотографируем следы, — сказал Антон. — Плиту, сирень, подставку, бывшую дверь. Не как доказательство собственности. Просто чтобы завтра не искать всё заново.

Нина не ответила.

— И запишем три версии, — продолжил он. — Твою, мою и Олега. Где помним одинаково, где по-разному.

— Чтобы показать, что я путаюсь?

— Чтобы никто не сделал вид, будто мы помним одинаково. Я тоже путаюсь.

Олег поднял кружку.

— А я путаюсь профессионально.

На этот раз Нина чуть улыбнулась.

Антон принёс из мастерской лист оргалита и положил его на перевёрнутый ящик возле кухни. Бумагу взял из папки с заказами. Сначала написал то, в чём сошлись все трое.

«У Лапиных была задняя калитка в сторону общей кухни».

«Возле стены кухни стояла оцинкованная бочка, которой пользовались соседи».

«В стене кухни существовала дверь в кладовую».

«Между дворами ходили к кухне и колодцу до установки нынешней сетки и расширения навеса».

Потом провёл черту и записал разногласия.

Нина считала, что калитка находилась напротив сохранившейся плитки, а основной проход шёл к кладовой и бочке. Олег помнил калитку ближе к яблоне и не был уверен, какой из путей считался главным. Антон помнил саму калитку и переход между дворами, но не мог уверенно восстановить линию.

— Напиши про обещание, — сказала Нина.

— Это твоя версия разговора.

— Напиши так.

Он добавил: «Нина слышала, как Виктор говорил Николаю Лапину, что вопрос общего прохода решат после оформления основных участков. Точных слов и даты не помнит».

Нина прочитала дважды.

— «Не помнит» звучит так, будто я ничего не помню.

— Там написано: не помнишь точных слов и даты.

— Смысл помню.

— Это тоже написано.

Она хотела спорить, но передумала.

Антон сделал фотографии. На каждой положил рядом рулетку, но не пытался свести отдельные точки в одну линию. У сирени снял повреждение коры крупно и общий вид. У стены кухни — прямоугольник бывшей двери и порог. Под водостоком — ржавую подставку. Найденные плитки Нина расчистила полностью: их оказалось четыре, потом полоса уходила под сетку и исчезала под землёй на стороне Антона.

— Можно дальше копнуть, — сказала она.

— Не сегодня. Это корни сирени, и земля спорная.

— Даже копнуть нельзя без разрешения.

— Именно поэтому не будем.

Антон отправил фотографии и лист в общий чат. Подписал: «Сегодня нашли следы прежнего пользования проходом. Это не вывод о границе. Завтра покажем Денису Круглову и спросим, что из этого имеет значение и какие нужны документы».

Галина ответила, что вечером поищет плёнки. Лиза написала: «Хорошо, что отделили общее воспоминание от разных версий». Вера спросила, нужно ли ей вспоминать, как дети ходили к колодцу.

Нина прочитала сообщения на телефоне Антона, потому что свой оставила в доме.

— Лиза всегда так говорит? — спросила она.

— Как?

— Будто раскладывает вещи по коробкам.

— Это я её научил.

— А теперь тебе не нравится?

Антон убрал телефон.

— Нравится. Просто она раскладывает и мои вещи тоже.

Олег ушёл переодеваться. Нина снова посмотрела на старую плитку.

— Я не хочу отнять у вас мастерскую, — сказала она. — И навес целиком мне не нужен. Мне нужен проход, который не исчезнет, когда кто-то поменяет замок.

— Я понял.

— Пока только услышал.

— Хорошо. Услышал.

Она протянула ему лопатку.

— Положи к себе до завтра. Если оставлю здесь, Вера наступит.

Антон взял её. На деревянной ручке было выжжено «Л». Видимо, Николай помечал инструмент, чтобы после общих работ он возвращался во двор Лапиных.

— У нас раньше всё было подписано, — сказала Нина, заметив его взгляд. — Лопаты, вёдра, пилы. И всё равно давали друг другу. Собственность была, Антон. Просто проход тоже был.

Эта фраза осталась с ним в фургоне.

Он ехал в город и вспоминал не линию, а вещи. Оцинкованную бочку с вмятиной. Мокрые следы от детских ног на кухонном полу. Калиточный крючок, обмотанный проволокой, чтобы не звенел ночью. Ни один предмет не отвечал, кому принадлежала земля. Вместе они отвечали на другой вопрос: как люди пользовались этим местом до того, как потребовалось назвать каждую полосу.

На светофоре Антон позвонил матери.

— Мам, ты помнишь заднюю калитку Лапиных?

— Какую заднюю?

— К кухне. Возле сирени.

— Конечно. Там ещё Коля сделал защёлку слишком высоко, дети палкой открывали.

— Где она стояла точно?

— У сирени и стояла.

— С какой стороны?

Мать помолчала.

— Если идти от кухни, справа.

— Справа от сирени или справа от кухни?

— Антон, я суп ставлю. Что случилось?

Он коротко объяснил.

— Нина всегда считала тот ход своим, — сказала мать.

— Своим или общим?

— Своим выходом к общему.

— А отец?

— Отец говорил, что потом разберутся.

Антон крепче взял руль.

— Когда говорил?

— Когда навес ставили. Нина шумела, Коля уже плохо ходил. Виктор сказал: сейчас бы крышу закончить, потом с дорожкой решим.

— Ты слышала сама?

— За столом говорил. А что?

— Почему мне не сказала?

— А ты спрашивал? Да и что тут говорить? Дорожкой пользовались. Потом Нина стала через переднюю калитку ходить. Я думала, договорились.

Загорелся зелёный. Сзади посигналили.

— Мне ехать надо, — сказал Антон. — Вечером ещё позвоню.

— Не приставай к Нине с рулеткой, — попросила мать. — Она и без того одна осталась.

Он не сказал, что рулетку попросила взять сама Нина.

После установки дверец Антон вернулся на участок уже в сумерках. У кухни никого не было. Меловые отметки на плитах побледнели, одна исчезла под следом чьей-то обуви. Красная лента на коле выделялась ярче всего остального — новая, точная, ещё не затёртая жизнью.

Антон занёс лопатку Нине. Она открыла не сразу.

— Мать помнит калитку, — сказал он. — И слова отца про «потом».

Нина взяла лопатку, но не обрадовалась.

— Завтра скажет?

— Если понадобится, позвоним ей.

— Понадобится.

— Возможно.

— Опять «возможно».

— Нина Павловна, даже если все помнят проход, Круглов может сказать, что этого мало для изменения границы.

— Я знаю.

— Тогда почему ты сердишься на меня за эти слова?

— Потому что ты произносишь их раньше него.

Антон хотел возразить, но понял, что она права. С утра он всё время занимал место отсутствующего специалиста, заранее отбрасывал слабые свидетельства и защищался от требования, которое ещё не было оформлено. Так было проще, чем признать: отец действительно откладывал разговор, а семья Речкиных все эти годы пользовалась его отсрочкой.

— Завтра я не буду говорить за Круглова, — сказал он.

— А за себя?

— За себя скажу, что проход был. Какое право из этого следует, я не знаю.

Нина кивнула.

— Этого пока достаточно.

В мастерской Антон включил лампу над столешницей. Тёмная дуга у края никуда не исчезла. Рядом лежал образец с двумя ореховыми вставками. Он поставил его на видное место, чтобы завтра показать всем, и достал карточку заказа.

Под прежними строчками написал:

«Проход был. Линию не помним одинаково».

Потом подумал и добавил:

«Отец говорил: потом».

Это ещё не было доказательством. Но уже не позволяло сделать вид, что спор возник вместе с красной лентой.

Глава 6. По документам

Круглов приехал в среду ровно в шесть, когда солнце уже ушло за крыши, но свет ещё держался в верхушках яблонь.

Антон ожидал увидеть служебную машину. Во двор въехала пыльная белая «Лада», и из неё вышел худой мужчина лет сорока в тёмной ветровке. На заднем сиденье лежали детское кресло и футбольный мяч. Круглов достал из багажника плоскую папку, рулетку на катушке и сложенный дождевик.

— Денис Андреевич? — спросила Галина.

— Денис Сергеевич. Но можно просто Денис.

Галина сразу исправила имя на наклейке, которую приклеила к прозрачному файлу. Она принесла садовый столик и разложила на нём документы трёх семей отдельными стопками. Красная папка принадлежала Речкиным, синяя — Сафроновым, зелёная — Лапиным. Сверху лежал вчерашний лист с общими воспоминаниями и разными версиями.

Нина стояла возле своей старой плитки, словно боялась, что без неё находка снова уйдёт под землю. Олег принёс термос. Вера Лапина села на складной стул и держала сумку на коленях. Лиза приехать не смогла, но попросила поставить телефон так, чтобы слышать разговор. Антон прислонил его к банке с гвоздями. На экране виднелся угол её кухни и край ноутбука.

— Все собственники здесь? — спросил Круглов.

— Не все, — ответила Галина. — У нас доли у детей.

— Тогда сегодня мы ничего не подписываем и не решаем. Смотрим место, сравниваем то, что у вас есть, и составляем список вопросов. Это важно понимать с самого начала.

— А вы можете сказать, где проходит граница? — спросила Нина.

— Могу показать, где она обозначена в сведениях и на вынесенных точках. Решать спор о праве на месте я не уполномочен.

Нина поджала губы.

— То есть колышки важнее дорожки.

— Пока я не видел ни колышки, ни дорожку, — спокойно ответил Круглов. — Давайте не будем заставлять меня выбирать до осмотра.

Он не сел за стол. Сначала попросил каждого одним предложением сказать, чего тот хочет от встречи.

Нина хотела вернуть постоянный прямой проход к кухне и колодцу. Вера хотела, чтобы мать могла ходить короткой дорогой и не спорила с соседями у каждой калитки. Олег хотел понять, придётся ли переносить что-нибудь на участке Сафроновых. Галина — получить список бумаг и расходов до того, как кто-то начнёт разбирать заборы. Антон сказал, что хочет отделить старое пользование от нынешних прав и не обещать того, чего одна семья не может выполнить.

Из телефона донёсся голос Лизы:

— Я хочу, чтобы временное разрешение не выдали за решение.

Круглов посмотрел на экран.

— Вы собственник?

— Нет. Дочь Антона.

— Тогда ваше мнение полезно для семьи, но решение будете принимать не вы.

— Именно, — сказала Лиза.

Антон услышал в её ответе облегчение. Её наконец не назначали наследницей, представителем или будущей хозяйкой.

Круглов попросил показать вынесенные точки. Подошёл к первому колу, не касаясь его, сверился с распечаткой и прошёл к следующему. У навеса остановился.

— Эту пристройку когда делали?

— Одиннадцать лет назад, — ответил Антон.

— Разрешения соседей есть?

— Письменного нет.

— Спор по ней раньше был?

Нина открыла рот, но Олег опередил:

— Были разговоры. Я помню про тень, Нина — про проход.

— Значит, пишем: единой версии нет. Не надо сейчас устанавливать, кто точнее помнит семейный разговор одиннадцатилетней давности.

Круглов присел у кола. Линия от него уходила под край крыши навеса, но сами стойки оставались внутри двора Речкиных.

— По вынесенным точкам свес пересекает линию, — сказал он. — Это ещё не ответ на все вопросы. Нужны исходные сведения, точность измерений, документы на объекты и понимание, что именно вы собираетесь менять. Но прятать этот факт тоже не стоит.

— Навес придётся сносить? — спросил Антон.

— Я этого не говорил.

— А что вы сказали?

— Что часть конструкции находится над линией, показанной по текущим сведениям. Дальше возможны разные действия, и выбирать их надо после проверки документов. Если я сейчас скажу «сносить» или «оставить», вы уйдёте с простым ответом, который может оказаться неверным.

Галина достала блокнот.

— Какие разные действия?

— До списка дойдём после осмотра.

Он попросил показать старую дорожку. Нина повела всех через свой двор. Компания растянулась: Вера помогала матери переступить через шланг, Олег нёс термос, Антон замыкал. Круглов осмотрел плитки, сирень, подставку для бочки и заложенную дверь. Фотографии смотрел на телефоне, сравнивая общий вид с местом.

— Это подтверждает, что здесь ходили? — спросила Нина.

— Подтверждает, что здесь были элементы благоустройства и хозяйственного пользования. Свидетельские рассказы дополняют картину.

— Значит, проход был.

— В бытовом смысле — да, по вашим согласующимся словам проходом пользовались. Вопрос, который вы задаёте сейчас, другой: было ли закреплено право пользоваться определённой полосой и если да, то какой именно.

— А если право не закрепили, всё, что было, не считается?

— Считается частью истории отношений. Но история отношений сама по себе не всегда отвечает, где должна пройти зарегистрированная граница сегодня.

Нина посмотрела на Антона, будто он заранее научил Круглова этим словам.

— Я вчера именно этого боялась.

— Я вижу, — ответил Денис. — Поэтому давайте не останавливаться на слове «недостаточно». Недостаточно для одного вывода не значит бесполезно вообще.

Он попросил Антона растянуть рулетку между сохранившейся плиткой и порогом кладовой. Получилось по диагонали. Потом измерил расстояние до колодца и до нынешней калитки Речкиных. Все числа Галина записывала, хотя Круглов предупредил, что это не официальная съёмка.

— А зачем тогда меряем? — спросила Вера.

— Чтобы понять варианты. Если вам нужен не спор за каждый квадратный метр, а удобный доступ, надо видеть, сколько места он требует и чему мешает.

— Нам нужен старый проход, — сказала Нина.

— Точная линия старого прохода у вас не восстановлена. У вас было несколько троп к кухне, бочке и колодцу. Это записано честно. Можно пытаться доказывать одну историческую линию. Можно обсуждать новый закреплённый путь, который решит ту же бытовую задачу. Это разные цели.

— Новый вы проведёте так, чтобы навес не трогать.

— Я ничего не проведу. Решение принимают владельцы или, если они не договорятся, спор рассматривается в установленном порядке. Моя работа сейчас — показать, где вы говорите о факте, где о воспоминании, а где о будущем соглашении.

Олег открыл термос и разлил чай в пластиковые стаканы. Один протянул Круглову.

— Берите, а то у нас без чая границы хуже сходятся.

Денис поблагодарил, но поставил стакан на крышку колодца, не отпивая.

— Колодец общий по документам? — спросил он.

Трое ответили одновременно и по-разному.

Нина сказала «да». Галина — «вроде бы». Антон — «не знаю».

Круглов кивнул, как врач, получивший ожидаемый симптом.

— Покажите бумаги, где он упомянут.

Они вернулись к столику. В красной папке была старая схема с кругом на месте колодца, но без подписи. В синей — квитанции за ремонт насоса и рукописный список расходов. В зелёной — копия соглашения тридцатилетней давности о совместном пользовании водой. Половина текста выцвела, подписи читались, но приложения со схемой не было.

— Вот, — сказала Нина. — Совместное пользование.

— Водой, — уточнил Круглов. — Это важно. Здесь не вижу описания пути к колодцу. Возможно, оно было в приложении. Возможно, стороны считали доступ очевидным и не записали. Надо искать полный экземпляр.

— Где?

— У подписантов, в семейных архивах, иногда в материалах прежних оформлений. Я не обещаю, что копия сохранилась в каком-либо учреждении. Сначала составим перечень того, что у вас уже есть.

Галина переложила выцветший лист в отдельный файл.

Антон смотрел на круг колодца на своей схеме. Он видел этот лист десятки раз и никогда не спрашивал, почему рядом не проведена дорожка. Отец хранил план среди квитанций за электричество, как будто тот подтверждал весь порядок участка. На самом деле бумага показывала только часть.

— А общая кухня? — спросила Лиза из телефона.

— С ней то же самое, — ответил Круглов. — Сначала выяснить, как она описана и кому принадлежит строение и земля под ним. Слово «общая» в разговоре может означать совместную собственность, совместное пользование или просто привычку трёх семей. Это не одно и то же.

— Мы её все ремонтируем, — сказала Вера.

— Это важный факт ваших отношений. Но чеки на краску не заменяют документ о праве.

— Вы всё время говорите, что одно не заменяет другое, — заметил Олег.

— Потому что вы много лет жили, не разделяя эти вещи. Пока все согласны, это удобно. Когда возникает спор или меняются владельцы, различия становятся заметны.

Нина постучала пальцем по выцветшему соглашению.

— Хорошо. Допустим, старые бумаги не дают проход. Что нам делать сейчас?

Круглов наконец отпил чай, поморщился — тот был слишком горячим — и поставил стакан обратно.

— Сначала решить, чего вы хотите добиться. Я слышу минимум три задачи. Первая: постоянный доступ Лапиных к кухне. Вторая: доступ всех семей к колодцу и для его ремонта. Третья: привести границы и постройки в состояние, с которым смогут жить нынешние и будущие владельцы.

— Это одна задача, — сказала Нина.

— Может оказаться одной, а может потребовать разных решений. Например, путь к кухне и возможность завезти оборудование к колодцу имеют разную ширину. Пешеходу достаточно одного, ремонтной тележке — другого.

Антон вспомнил лестницу у водостока и насос, который Олег зимой вытаскивал вдвоём с сыном.

— А техника? — спросил он. — Если колодец придётся чистить?

— Вот это надо отдельно записать. Не абстрактный «проезд на всякий случай», а реальные работы и способ доступа. Чем точнее бытовая задача, тем меньше вы спорите о воображаемых правах.

Галина написала крупно: «РЕМОНТ КОЛОДЦА».

— Теперь о вариантах, — продолжил Круглов. — Я назову направления, не готовые решения. Первое: вы ищете и восстанавливаете документы, если право прохода уже было оформлено. Второе: владельцы договариваются о новом порядке пользования и оформляют его надлежащим образом. Третье: меняют границу участков по согласованной схеме, если все необходимые стороны согласны и это допустимо. Если договориться не получится, остаётся спорный путь, но я не советую начинать с угроз друг другу.

— А просто открыть нашу калитку? — спросила Вера.

— Можно открыть физически, если владельцы соответствующей земли разрешат и если это безопасно. Но это будет ровно то временное разрешение, против которого возражала ваша участница по телефону.

— Лиза, — подсказал Антон.

— Да, Лиза. Такое разрешение может снять сегодняшнее неудобство, но не обязательно переживёт продажу участка, конфликт или смену замка.

— Значит, Лиза права, — сказала Нина.

— В том, что временный доступ не равен закреплённому решению, — да. Но иногда временный доступ нужен, пока готовится постоянный. Одно не мешает другому, если вы честно называете срок и условия.

Антон заметил, что Лиза на экране записывает. Она не смотрела на него.

— Если мы согласимся вернуть полосу, — спросил он, — навес придётся передвинуть?

— Зависит от выбранной полосы. Старую дорожку вы сами провели несколькими линиями. Для прямого пути от калитки Лапиных к кухне часть навеса, вероятно, окажется препятствием. Для другого маршрута — возможно, нет. Но другой маршрут может быть неудобен Нине Павловне или перекрыть доступ Сафроновым.

— То есть можно всё обвести вокруг нашей земли, — сказала Нина.

— Можно нарисовать что угодно. Согласовать — другое дело.

— А текущая граница правильная? — спросил Антон.

Круглов сделал паузу.

— Она зарегистрирована в том виде, который отражён в сведениях, и вынесенные точки соответствуют предоставленным данным в пределах указанной точности. Слово «правильная» включает вопрос, на каком основании её согласовали и нет ли ошибки или спора. На него по одному осмотру я не отвечу.

— Но пользоваться будут ею, пока мы не докажем другое?

— Исходить будут из зарегистрированных сведений, пока они не изменены установленным способом. Это не запрещает вам заключить соглашение о доступе или добровольно изме-

нить границу. И не делает воспоминания несуществующими. Просто реестр не меняется от того, что трое людей одинаково вспомнили калитку.

Нина отвернулась к кухне. Антон ожидал, что она снова скажет про колышки. Вместо этого она спросила:

— Если мы все подпишем, что проход был, это поможет?

— Поможет зафиксировать свидетельства. Не обещаю, что решит вопрос права. Подписывайте только то, что каждый действительно помнит. Ваш вчерашний лист составлен разумно: общее отдельно, разногласия отдельно.

— Это Антон предложил, — сказал Олег.

Нина ничего не добавила.

Круглов перешёл к папкам. Он не забирал оригиналы, только записывал названия и фотографировал титульные листы с разрешения владельцев. Несколько раз просил не класть рядом документы разных семей. Галина сияла: её цветные папки наконец получили оправдание.

В красной папке Антон увидел знакомый блокнот Виктора. Он принёс его вместе с остальными бумагами, не перелистывая после разговора с Лизой. Серый угол торчал из-под копии схемы.

Круглов потянулся к стопке.

Антон машинально положил ладонь сверху.

— Это рабочие записи отца, — сказал он.

— Тогда вы сами решите, имеют ли они отношение к вопросу. Я не провожу обыск.

Ладонь Антона осталась на блокноте. Помета «Лапиной — после разговора» была слишком неопределённой, чтобы что-то доказать. Он мог показать её сейчас и превратить два слова в центр встречи. Мог не показывать и снова решить за всех, что им достаточно знать.

— Там есть фамилия Лапиной и слова «после разговора», — сказал он. — Без даты и объяснения.

Нина шагнула ближе.

— Покажи.

Антон открыл последнюю страницу. Круглов прочитал запись, не трогая блокнот.

— Это подтверждает, что Виктор собирался о чём-то говорить с Лапиной, — сказал он. — Не подтверждает содержание разговора.

— Там ещё может быть, — сказала Нина.

— Может, — ответил Антон.

— Ты всё просмотрел?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вчера работал.

Она приняла ответ, но Антон сам услышал его слабость. Он не просмотрел бумаги не из-за дверец. Он боялся найти запись, после которой придётся перестать говорить о несовершенной памяти и начать говорить о поступке отца.

— Мы разберём архив, — сказал он. — Не сегодня ночью и не по одному листу. Сделаем перечень.

— Вместе, — потребовала Нина.

— Личные документы отца я сначала просмотрю сам. Всё, что относится к участку, покажу.

— Откуда мне знать, что относится?

— Нина, — вмешалась Вера. — Нельзя требовать все дедовы бумаги.

— Я не требую письма к жене. Я требую то, что касается нашей земли.

Круглов закрыл свою папку.

— Здесь нужен порядок, иначе вы поссоритесь на архиве раньше, чем дойдёте до границы. Антон составляет список найденных документов об участке без оценки в свою пользу. Остальные семьи делают то же самое. Потом обмениваетесь копиями тех материалов, которые касаются общего пользования и согласований. Если сомневаетесь, описываете документ одной строкой и обсуждаете, нужен ли он всем.

— А если он скроет? — спросила Нина.

— Тогда сегодняшний разговор не создаст доверия. Я не могу назначить себя хранителем семейного архива.

Антон убрал руку с блокнота.

— Список сделаю к субботе.

— К пятнице, — сказала Нина.

— К субботе. У меня работа.

— У всех работа.

— В субботу утром, — повторил он.

Она кивнула.

Круглов попросил чистый лист и написал пять пунктов простыми фразами. Проверить полные документы на три участка. Найти материалы о колодце и кухне. Составить перечень старых схем и фотографий. Определить минимальные нужды прохода: пешком, с тачкой, для ремонта. Получить согласие всех владельцев на обсуждение вариантов.

— И что после этого? — спросила Галина.

— После этого можно начертить несколько реальных вариантов и посчитать, что каждый меняет. Не только для Лапиных. Для Речкиных — въезд и навес. Для Сафроновых — подход к колодцу и кухне. Хорошего решения, в котором никто ничего не теряет, может не быть.

— А справедливое? — спросила Лиза.

Круглов посмотрел на экран.

— Справедливость вам придётся определить самим. Я могу помочь не перепутать её с неточной линией на бумаге.

Телефон мигнул: у Лизы оставалось мало заряда.

— Пап, потом позвони, — сказала она и отключилась.

Антон отметил, что не просил её приехать в выходные и помочь с архивом. Просьба уже стояла на языке, привычная и будто бы разумная: она умеет сортировать, быстро делает описи, различает версии. Но список он обещал сам.

Круглов собрал рулетку. Олег предложил ему банку огурцов в дорогу. Тот отказался, объяснив, что дома ждут ужинать.

У машины Нина догнала его.

— Скажите прямо: у меня есть шанс вернуть проход?

Денис положил папку на крышу автомобиля.

— У вас есть понятная потребность в доступе, подтверждённая история пользования и соседи, которые не отрицают сам проход. Это хорошая основа для разговора. Есть ли основание требовать конкретную полосу именно как прежнее право — по тем материалам, что я увидел, сказать нельзя.

— Значит, опять договариваться.

— Да.

— А если бы все умели договариваться, вас бы не звали.

— Меня часто зовут именно затем, чтобы люди увидели предмет договора.

Он сел в машину и уехал. Футбольный мяч на заднем сиденье перекатился к двери при повороте.

Семьи остались у ворот. Никто не расходился, хотя встреча закончилась.

— Ну что, — сказал Олег. — Теперь мы официально знаем, что ничего не знаем.

— Нет, — возразила Галина. — У нас пять пунктов.

— У тебя всегда есть пункты.

— Поэтому у тебя всегда находятся документы.

Вера увела Нину домой. По пути они прошли передней дорогой, длинной, вдоль улицы. Нина не оглянулась.

Антон собрал красную папку. Серый блокнот положил сверху, а не спрятал под схему. Возле кухни задержался у межевого кола. После слов Круглова тот не стал менее настоящим. Наоборот, линия приобрела силу именно потому, что никто на месте не мог отменить её воспоминанием.

В мастерской Антон снял с карточки заказа прижим. Под вчерашними записями добавил:

«По документам прохода пока нет. По памяти — был».

Фраза показалась слишком гладкой. Он зачеркнул «пока» и написал ниже:

«Найти, что оформлено. Не обещать за всех».

Потом достал пустую тетрадь и на первой странице вывел: «Архив участка». Первым пунктом записал серый блокнот Виктора. Вторым — схему с колодцем без подписи. Третьим — карточку строительства навеса, если она найдётся.

Из дома позвонила мать.

— Ну что вам сказали?

— Что по бумагам граница такая, как выставили. Старый проход сам по себе её не меняет.

— Бедная Нина.

— И что надо искать документы.

— У отца в нижнем ящике комода были папки.

— Какие?

— Не знаю. Он никому не давал там убирать.

Антон посмотрел в сторону дома. До темноты оставалось минут двадцать. Можно было пойти к комоду прямо сейчас, вытащить всё на пол и искать до ночи. Но он обещал перечень, а не тайную находку, вырванную из общей последовательности.

— Завтра начну, — сказал он.

— Только не выбрасывай ничего.

— Не выброшу.

Он закрыл тетрадь и выключил верхний свет. Лампу над столешницей оставил. На дубе ясно виднелась тёмная дуга ремонта — линия, которую можно было скрыть, если считать красивую поверхность главным документом вещи.

Антон больше так не считал.

Глава 7. Общий колодец

В четверг утром вода из кухонного крана пошла рывками.

Антон держал под струёй банку из-под морилки и сначала решил, что в трубу попал воздух. Насос под домиком у колодца работал неровно: гудел, замолкал, снова принимался тянуть. В банке закружилась рыжая муть, потом вода стала прозрачнее, но на дне осталось несколько тёмных крупинок.

Он закрыл кран и прислушался. За стеной мастерской продолжала работать шлифовальная машина, оставленная на холостом ходу. Её ровный звук мешал. Антон выключил её, и со стороны общей кухни донёсся короткий металлический стук, будто кто-то уронил крышку кастрюли.

Во дворе стояла Галина Сафронова с пустым чайником.

— У вас тоже? — спросила она.

— Рывками.

— У нас вообще перестала. Олег полез смотреть, только толку от его смотрения.

— Толк иногда появляется после смотрения.

— После его смотрения обычно появляется список того, что надо купить.

Она говорила весело, но чайник держала обеими руками. Из летней кухни вышла Вера Лапина с пластиковой бутылью. Нина шла следом и опиралась на короткую палку, которой обычно сбивала яблоки с нижних веток.

— На нашей стороне вода есть, — сказала Вера. — Но мутная.

— Не пейте пока, — ответил Антон.

Нина посмотрела на него так, словно он снова выдал временное разрешение.

— А чем поливать можно?

— Не знаю. Сначала надо понять, откуда муть.

Из домика над колодцем показалась голова Олега. Он стоял внутри на нижней перекладине и светил телефоном вниз.

— Поплавок заедает, — сообщил он. — Или не поплавок. Вода ниже обычного.

— Вылезай, — сказал Антон. — Один не лезь.

— Я не лезу. Я наблюдаю.

— Ты уже по пояс там.

Олег выбрался, отряхнул колени и показал ладонь в серой пыли. Домик был сложен из потемневших досок ещё до того, как три участка получили отдельные номера. Крыша держалась на четырёх стойках, одна дверца закрывала насос и трубы, другая — кольца колодца. К нему подходили с двух сторон: узкой дорожкой от Сафроновых и через площадку у кухни. Когда-то со стороны Лапиных шёл прямой проход, теперь между их калиткой и площадкой стояли межевые колышки, сетка и угол навеса Речкиных.

Антон открыл насосный отсек. На соединении трубы блестела вода. Под гайкой лежала свежая мокрая полоса.

— Вот, — сказал Олег. — Подсасывает.

— Может подсасывать воздух. Может течь после остановки. Надо отключить и проверить.

— Проверяй.

— Инструмент нужен.

Антон пошёл к мастерской. По прямой от неё до колодца было меньше тридцати шагов. Нести два ключа и фонарь можно было в руках. Но если придётся менять участок трубы, понадобится длинная бухта, стремянка, возможно, тележка с баком для промывки. Он вспомнил

вопрос Круглова: пешком, с тачкой, для ремонта. Вчера это звучало как строчка для будущей схемы. Сегодня каждая ширина стала весом железа.

У верстака лежал заказ — две дверцы для шкафа. Антон обещал отдать их вечером. Он набрал заказчика, сказал, что задержит работу на несколько часов, и приготовился к раздражению. Мужчина только спросил, успеет ли Антон к субботе.

— Успею, — ответил он.

Слово выскочило привычно. Он посмотрел на столешницу и добавил:

— Если пойму, что нет, позвоню завтра до обеда.

Он сложил в ящик разводные ключи, паклю, уплотнительную нить, запасной хомут, ветошь и фонарь. Ящик оказался слишком тяжёлым для одной руки. Антон поставил его на старую двухколёсную тележку.

От мастерской к колодцу вела широкая полоса вдоль навеса. Антон провёз тележку без труда, но возле межевого кола пришлось взять левее. Колесо задело красную ленту. Колышек качнулся.

— Не трогай, — сразу сказала Нина.

— Не трогаю.

Он выпрямил кол и прижал землю ботинком. Нина стояла по другую сторону сетки. До колодца ей было рукой подать, но пройти она могла только обратно к своему дому, затем вдоль улицы, через общие ворота и мимо Речкиных. С бутылью этот крюк занимал несколько минут. С ведром — дольше. С больным коленом, о котором она никому не жаловалась, дорога становилась отдельным делом.

— Вера, принеси большую кастрюлю, — распорядилась Нина. — Пока совсем не отключили.

— Зачем набирать мутную?

— Туалет смыть. Полы помыть.

Антон повернулся к насосу.

— Сейчас отключу на час, может, на два. Перед этим наберите техническую воду, если идёт.

Галина принесла два ведра. Вера ушла передней дорогой, хотя её дом находился за сеткой в десяти метрах. Антон проследил, как она исчезла за сиренью, и ничего не сказал. Открыть старую калитку сейчас означало бы отогнуть сетку на земле Речкиных. Он мог разрешить. Нина могла пройти. Но после вчерашнего разговора любое такое движение прозвучало бы как ответ на вопрос, который ещё не решён.

— Я могу снять секцию на время ремонта, — сказал он.

Нина усмехнулась.

— На сколько времени?

— Пока вода не заработает.

— А потом поставишь обратно?

— Если оставим открытым без решения, колышки всё равно никуда не денутся.

— Значит, не надо делать вид, что ты открыл проход.

— Я не делаю вид. Я предлагаю короче носить воду.

— Для этого надо было не ставить сетку.

— Её ставил отец.

— А чинить будешь ты.

Антон кивнул. Это было сказано о сетке, насосе и не только о них.

Они набрали четыре ведра. Потом Антон отключил автомат в кухне, открыл кран, дождался, пока труба перестанет плеваться, и разобрал соединение. Резиновая прокладка внутри задубела и треснула по краю. Такой дефект можно было исправить быстро. Но из всасывающей трубы пахнуло сырой землёй, а в фильтре нашлись мелкие песчинки.

— Прокладку заменим, — сказал Антон. — Фильтр промоем. Потом посмотрим, держит ли давление.

— А песок? — спросила Галина.

— Могло поднять со дна, если уровень упал. Могло натянуть через соединение. По одной горсти не скажу.

— Значит, колодец кончается? — Нина подошла ближе к сетке.

— Нет. Значит, надо смотреть.

— Кто будет смотреть?

Антон не ответил сразу. Раньше колодцем занимался Виктор. Не один: Олег помогал таскать, Лапины платили свою долю, Сафроновы договаривались с мастерами. Но номер мастера был записан у Виктора. Порядок работ знал Виктор. Даже ключ от нижнего люка висел у Виктора в мастерской. Общим был колодец, а память о нём хранилась в одном доме.

— Найду тех, кто обслуживал в прошлый раз, — сказал Антон.

— Они десять лет назад приезжали, — напомнил Олег.

— Семь, — поправила Галина.

— Восемь, — сказала Нина.

— Вот поэтому найду квитанцию.

— В архиве? — спросила Нина.

Антон вытер руки.

— Да. И внесу в перечень.

Она перестала улыбаться. Вчера перечень казался ей способом оттянуть разговор. Сегодня в нём мог найтись телефон человека, от которого зависела вода.

Антон подобрал новую прокладку из запасов. Она была чуть толще прежней. Пришлось снять кромку мелкой шкуркой и смазать. Олег держал фонарь, хотя солнце уже поднялось над крышей. Галина подписала маркером бутылки: «питьевая», «техническая», словно одно слово могло очистить воду. Вера вернулась с кастрюлей, запыхавшись.

— Уже отключили?

— Уже, — сказала Нина. — Пока ты обходила, всё сделали.

Вера поставила пустую кастрюлю на траву.

— Мам, я предлагала привезти тебе воду из города.

— И буду ждать тебя каждый раз, когда захочу чай?

— Это на сегодня.

— У нас всё на сегодня.

Антон затянул соединение и попросил Олега включить автомат. Насос загудел, труба дёрнулась. На этот раз вода под гайкой не появилась. Стрелка маленького манометра поднялась, замерла и медленно поползла назад.

— Не держит, — сказал Олег.

— Вижу.

Они снова отключили насос. Антон проверил доступные соединения. Одно пряталось за задней стенкой домика, со стороны узкой полосы между колодцем и сеткой. Туда можно было протиснуться боком, но ключом не размахнуться. Чтобы снять щит, требовалось вынести две длинные доски, лежавшие вдоль сетки, и поставить стремянку на участке Лапиных либо разобрать часть ограждения.

— С вашей стороны подойти можно? — спросил Антон у Веры.

— К колодцу?

— К задней стенке.

— Если через старую калитку.

Калитка стояла запертой и упиралась в сетку. До переднего входа Лапиных от колодца было далеко. Можно было обойти всю улицу, принести лестницу через их участок и поставить

за домиком. Но лестница Антона была длиннее прохода между яблонями. У Сафроновых имелась короткая складная.

— Моя выдержит, — сказал Олег без уверенности.

— Тебя — может быть. Меня с ключом — посмотрим.

Нина постучала палкой по сетке.

— Снимай.

— Что?

— Секцию. Ты только что предлагал.

Антон посмотрел на неё.

— Для ремонта?

— Для ремонта. Не для решения земельного вопроса. Я умею различать.

Он принёс кусачки и пассатижи. Сетка была прикручена к столбам проволокой, местами уже ржавой. Виктор делал это надолго: загнул концы внутрь, затянул так, что витки врезались в дерево. Антон разгибал их по одному. Нина стояла рядом и считала не вслух.

Когда нижний край освободился, сетку можно было поднять, но поперёк старой калитки всё ещё проходила рейка навеса. Антон снял её. Под рейкой обнаружилась вытертая полоса на столбе — след прежней щеколды. Тот самый, который они видели накануне с другой стороны. Сейчас он не был воспоминанием. Он мешал открыть створку.

Антон оттащил сетку. Вера нажала на калитку, но петля не поддалась. Дерево распухло и вросло нижним углом в землю.

— Стой, — сказал Антон. — Сломаешь.

— Она уже никому не нужна.

— Поэтому можно ломать?

Он подкопал землю стамеской, которую не любил использовать не по назначению. Олег принёс масло. После нескольких движений калитка открылась внутрь участка Речкиных и остановилась, задев край навеса.

Проём получился узким. Нина первой переступила порог. Она не торжествовала, не смотрела на Антона. Только перенесла палку и осторожно поставила больную ногу на плитку, которую они вчера очистили от дёрна.

— Скользко, — сказала она.

— Песком посыплю.

— Не надо. Я запомню.

Вера провела через калитку складную лестницу Сафроновых. Антон поставил её за колодцем и снял щит. Разбирать пришлось почти вслепую. В верхнем соединении обнаружилась ещё одна старая прокладка, а на трубе — тонкая ржавая дорожка. Протечки не было, но металл выглядел уставшим.

— Сегодня запустим, — сказал Антон. — Но этот кусок надо менять. И проверить нижнюю часть.

— Когда? — спросила Вера.

— Сначала вызову мастера.

— Сегодня?

— Сегодня позвоню.

— А приедет?

— Не знаю.

Нина посмотрела в тёмный проём колодца.

— Значит, воду покупаем.

— Для питья — да, пока не проверим.

— Кто покупает?

Вопрос повис над площадкой. Раньше общие траты делили на три части. Иногда Виктор платил вперёд и потом собирал деньги, иногда Галина вела тетрадь. После смерти Виктора никто не назначил нового распорядителя, да его и нельзя было назначить одним словом.

— Я съезжу сейчас, — сказал Антон. — Возьму по две большие бутыли каждому дому.

— И запишешь только нашу треть, — сказала Нина.

— Запишу всё. Потом разделим.

— Не потом. Галина, у тебя тетрадь есть?

Галина уже принесла клетчатый блокнот.

— Есть.

Она написала дату, шесть бутылей и оставила пустое место для суммы. Ниже — «прокладки, две штуки». Антон хотел сказать, что прокладки были его, из мастерской, и денег за них не нужно. Потом понял, что именно такие мелочи годами превращали общую вещь в отцовскую. Виктор покупал, чинил, не считал, а вместе с расходами незаметно присваивал право решать.

— Запиши стоимость, — сказал он. — Посмотрю по чеку.

— За две резинки? — удивился Олег.

— Не чтобы взыскивать восемьдесят рублей. Чтобы было видно, что использовали.

— Круглов тебя испортил, — сказал Олег.

— Нет. Просто потом никто не вспомнит, где было общее, а где моё.

Нина перевела взгляд с блокнота на открытый проход.

— Это тоже запиши.

— Что?

— Сетку сняли для доступа к задней стенке колодца. По просьбе всех.

— Ты попросила.

— Вы все согласились.

Олег поднял руку, как школьник.

— Я согласился.

Галина тоже кивнула. Вера сказала:

— Запиши срок. До окончания осмотра.

Антон почувствовал раздражение. Хотелось просто оставить проём и закончить трубу. Каждое простое действие обрастало формулировками. Но вчера Круглов говорил именно об этом: временный доступ полезен, если честно названы срок и условия.

— Пишем: сетку не возвращать до осмотра мастером и решения, как обеспечить ремонтный доступ, — предложил Антон. — Это не значит, что граница изменена.

— И не значит, что мы отказались от постоянного прохода, — добавила Нина.

Галина записала обе фразы.

— Подписывать? — спросила она.

— Давайте, — сказал Антон.

Они поставили четыре подписи: Антон за Речкиных, Нина за себя, Вера как вторая владелица участка Лапиных, Олег за Сафроновых. Галина возмутилась, что её оставили без места, и расписалась рядом с мужем.

Пока Антон менял вторую прокладку, Нина несколько раз прошла через калитку. Сначала принесла техническую воду к себе, потом вернула пустое ведро, потом пришла с тряпкой и вытерла старый порог. Она ничего не объявляла. Проход сразу стал тем, чем был прежде: не символом, а короткой дорогой между чайником, грядкой и общей трубой.

Насос запустили ближе к полудню. Стрелка поднялась и удержалась. Из крана сначала вышла мутная вода, затем прозрачная. Антон набрал её в стеклянную банку и поставил на солнце.

— Пить всё равно пока из бутылей, — сказал он. — Эту оставим, посмотрим осадок.

— А руки мыть? — спросила Галина.

— Можно. Посуду после мойки ополоснуть привозной.

— Ты теперь санитарный врач?

— Нет. Поэтому и не обещаю, что вода хорошая.

Они договорились, что Антон найдёт мастера, Олег проверит, не падает ли давление через час, а Вера купит тест в городе — не вместо проверки, а чтобы решить, как пользоваться водой до приезда специалиста. Нина вызвалась каждые два часа смотреть, не появилась ли течь у соединения.

Антон уехал за бутылями. В магазине пришлось брать две тележки. Кассир предложила доставку на завтра, но он отказался. На обратном пути багажник просел, бутыли перекатывались на поворотах и глухо ударяли друг о друга.

У общих ворот он остановился. До кухни шла ровная дорожка, достаточно широкая для машины. До дома Лапиных от ворот оставался длинный путь по улице. Антон мог разгрузить их бутыли у старой калитки, но для этого надо было провезти тяжёлую тележку вдоль навеса. Теперь сетка была снята, проём открыт. Тележка проходила впритык.

Нина встретила его с другой стороны.

— Давай сюда.

— Порог высокий.

— Поднимем.

Они взялись вдвоём: Антон за ручки, Нина за край бутыли. Вера подхватила колесо. Тележка ударилась о порог, накренилась, вода тяжело качнулась внутри пластика. Нина отступила, опираясь на палку.

— Не надо, — сказал Антон. — Я перенесу по одной.

— А если тебя нет?

— Тогда нужна дорожка без ступени.

— Вот.

В этом коротком слове не было победы. Нина просто показала предмет спора: не полосу на схеме, а двадцатилитровую бутыль, которую нельзя было провезти через обещанный проход.

Антон перенёс воду. В доме Лапиных пахло сушёными яблоками и лекарственной мазью. На кухонном столе стоял электрический чайник, рядом — три чашки, хотя Вера приехала одна. Нина сразу налила воду в маленькую кастрюлю.

— Чай будете? — спросила она.

Антон ожидал, что приглашение адресовано ему, но Нина посмотрела на Веру.

— Мне надо работать, — сказал он.

— Всем надо.

Он вышел через калитку. Теперь она открывалась легче, петля разошлась. На пороге остался свежий след от колеса.

В мастерской дверцы шкафа ждали на верстаке. Антон включил шлифовальную машину, но через минуту выключил. Нужно было найти квитанцию.

Нижний ящик отцовского комода открывался туго. Внутри лежали папки, перевязанные бечёвкой, старые инструкции, гарантийные талоны на давно выброшенную технику, чеки, выцветшие почти до белого. Антон не стал вываливать всё на пол. Поставил рядом пустые коробки и подписал: «участок», «мастерская», «дом», «неясно».

Квитанция нашлась в папке с надписью «Вода». Восемь лет назад бригада чистила колодец, меняла нижний фильтр и участок трубы. На обороте Виктор записал два телефона. Один номер не отвечал. По второму женщина сказала, что мастер больше не работает, но дала контакт его напарника.

Напарник выслушал Антона, спросил глубину, тип насоса, цвет и запах воды, затем сказал, что сможет приехать только во вторник.

— До вторника пользоваться можно? — спросил Антон.

— Я воды не вижу и трубы не вижу. Для хозяйства — если насос держит и течи нет. Пить после мути я бы не советовал до проверки. Следите, чтобы не работал всухую.

— Нам надо будет что-то подготовить?

— Подъезд к колодцу. Место под оборудование. Если чистить, шланги, бак, инструмент. Машина большая.

— Насколько большая?

Мастер назвал длину и ширину. Антон записал цифры, но они мало что говорили, пока он не вышел во двор с рулеткой.

Между воротами и колодцем машина проходила. Поворот у навеса был тесным. Если подъезжать ближе, мешал угол крыши. Можно было остановиться у кухни и тянуть шланги. Можно — разобрать ещё одну секцию ограждения со стороны Лапиных, но их передние ворота были слишком узкими. Ни один путь не был невозможным. Каждый требовал чьего-то места, времени и согласия.

Антон начертил в тетради прямоугольник машины и две линии шлангов. Потом позвонил Олегу.

— Давление держится?

— Почти. За час упало на одно деление.

— Краны проверил?

— У нас закрыты. У Лапиных Нина опять набирает.

— Тогда нормально. Во вторник приедет мастер. Надо собрать всех вечером и решить, откуда заводить оборудование.

— Опять собрание?

— Можем без собрания. Тогда во вторник машина встанет у ворот и уедет.

Олег вздохнул.

— Во сколько?

— В семь.

Лизе Антон написал коротко: «С водой небольшая проблема. Насос запустили, питьевую купили, мастер во вторник. Для ремонта пришлось открыть старую калитку. Всё нормально».

Он перечитал последнее предложение и удалил его. Всё не было нормально, но и аварии не случилось. Написал: «Сейчас вода идёт. Разбираемся».

Лиза ответила через несколько минут: «Открыли временно или решили проход?»

Антон сфотографировал страницу из тетради Галины с подписями.

«Временно до осмотра. Отдельно записали, что вопрос постоянного прохода не закрыт».

Лиза прислала поднятый большой палец. Антон поморщился: значок показался ему слишком похожим на оценку. Но следом пришло сообщение: «Хорошо, что написали условия. Как мама?»

Он позвонил матери. Та воду из общего колодца почти не брала: в доме был свой ввод, но летом Виктор иногда переключал полив на общую линию. Антон проверил её краны и услышал обычное:

— Зря вы Нину пустили. Теперь сетку не вернёшь.

— Мы пустили не Нину. Мы открыли доступ к колодцу.

— Какая разница?

— Большая.

— Отец не просто так закрыл.

— Почему?

Мать поправила полотенце на спинке стула.

— Чтобы не ходили мимо мастерской.

— Они и раньше ходили.

— Раньше ты молодой был, Лиза маленькая. Потом инструменты дорогие появились. Мало ли кто зайдёт.

— Нина украдёт рубанок?

— Не передёргивай. Он хотел порядок.

— Чей?

Мать отвернулась к окну. Через него была видна открытая калитка. Вера несла к дому пустую бутылку, Нина шла за ней.

— Ты отца не суди, — сказала мать.

— Я чиню то, что он оставил.

— Колодец он тоже оставил. Рабочий.

Антон не стал отвечать. Восемь лет назад Виктор организовал чистку, заплатил вперёд, сохранил квитанцию. Он действительно поддерживал общую вещь. И одновременно устроил так, что без его папки никто не знал, кому звонить, а без его земли к задней стенке нельзя было поднести лестницу. Забота и власть лежали в одном ящике, перевязанные одной бечёвкой.

К семи часам у колодца собрались все, кроме Лизы. Антон показал размеры машины и два возможных места остановки. Первый вариант оставлял технику у общей кухни: дальше тянулись шланги, зато не требовалось ничего разбирать. Второй позволял подъехать ближе вдоль навеса, но на время перекрывал въезд к мастерской. Нина предложила третий: снять ещё одну секцию и заводить часть оборудования со стороны старой калитки.

— Машина там не войдёт, — сказал Антон. — Ворота у вас узкие.

— Тележки войдут.

— Тогда бак всё равно останется здесь.

— Зато люди не будут лазить между колодцем и сеткой.

Олег прошёл оба пути с рулеткой. Галина записала длину шлангов. Вера сфотографировала поворот у навеса. Спор не исчез, но стал меньше слов «всегда» и «никогда». Появились метры, колёса, место для бака и время, на которое Антон потеряет въезд.

— Во вторник заказ привезут, — сказал Антон. — Доски на шкаф. Если машина перекроет въезд, придётся перенести доставку.

— Переноси, — сказала Нина.

— Я сам решу, что переносить. Просто говорю цену варианта.

— А моя цена — восемь минут с ведром вокруг улицы.

— Я услышал.

— Вчера услышал. Сегодня увидел?

Антон посмотрел на свежий след колеса на пороге.

— Сегодня провёз двадцать литров.

Нина кивнула. Этого признания ей хватило, но ненадолго.

Они выбрали первый вариант как основной: машина у кухни, шланги вдоль дорожки. Если мастеру понадобится доступ сзади, старую калитку оставят открытой, а лестницу и лёгкий инструмент внесут через участок Лапиных. Антон позвонит доставщику досок и попросит приехать после обеда. Решение записали в ту же тетрадь.

— И сколько это будет стоить? — спросила Вера.

Антон назвал только стоимость выезда и осмотра. Чистка, детали и работа считались после диагностики.

— Делим на три? — спросил Олег.

— Колодец общий, — сказала Галина.

— По старому соглашению вода общая, — напомнил Антон. — Но там нет приложения.

— Приложение воду чище не сделает, — сказала Нина.

— Не сделает. Предлагаю выезд и осмотр делить на три семьи. Дальше мастер скажет, что требуется, и решим до работ, если не авария.

Все согласились. Антон записал аванс. На этот раз никто не предлагал ему заплатить молча.

Когда стемнело, семьи разошлись. Калитка осталась открытой. Сетку Антон свернул и положил под навес, проволоку собрал в банку, чтобы никто не наступил. Красная межевальная лента висела на колышке в двух шагах от проёма. Граница никуда не исчезла. Просто впервые за много лет сквозь неё снова ходили.

В мастерской Антон закончил одну дверцу. Вторую пришлось оставить на утро. Перед уходом он подошёл к карточке отцовского заказа.

Под словами «Найти, что оформлено. Не обещать за всех» он написал:

«Колодец общий. Доступ к нему — нет».

Потом добавил:

«Сетку сняли для ремонта. До осмотра не возвращать».

Он взглянул на столешницу. Три метки на царгах означали три семьи, но дубовые детали всё ещё лежали в мастерской Речкиных. Даже общий стол пока принадлежал одному человеку — тому, у кого были ключи, инструменты и право решать, когда продолжать.

Антон снял с крюка ключ от мастерской и впервые за день подумал не о том, как вернуть воду, а о том, сколько общих вещей становились общими только в минуту поломки.

Глава 8. Чужая петля

Утром открытая калитка скрипнула три раза подряд.

Антон слышал каждый скрип из мастерской. Сначала прошла Нина с пустым ведром, потом Вера понесла к общей кухне пакет с овощами, затем Олег протащил складную лестницу обратно к себе. Проход, закрытый много лет, за сутки снова вошёл в распорядок. Никто не спрашивал разрешения, потому что в тетради было записано: до осмотра мастером сетку не возвращать.

Антон строгал кромку дверцы и ловил себя на том, что считает шаги за стеной. Не из страха за инструмент. Ему хотелось знать, кто ходит по земле Речкиных. Эта привычка не принадлежала отцу целиком.

В половине девятого Нина появилась в дверях мастерской.

— Калитка провисла, — сказала она.

— Она двадцать лет не открывалась.

— Вчера открывалась лучше.

— Вчера мы её подняли.

— Значит, сегодня опять подними.

Антон отложил рубанок.

— Доброе утро.

— Доброе. Петля нижняя отходит.

Он вышел за ней. Створка действительно просела и цепляла плитку. Верхняя петля держалась на двух шурупах, нижняя — на одном. Дерево вокруг второго отверстия раскрошилось. На столбе осталась старая тёмная полоса, а сама петля была новой, оцинкованной, слишком лёгкой для толстой створки.

— Эту меняли, — сказал Антон.

— Виктор менял.

— Когда?

— Когда сетку ставил. Снял старую и сказал, что заржавела.

— Куда дел старую?

— У себя спроси.

Антон приподнял калитку. Временный ремонт занял бы десять минут: длинные шурупы, деревянная вставка в разбитое отверстие. Но если мастер во вторник будет носить через проём инструмент, створка могла сорваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.